ЛИ
А65

Андреев
В сей грозный час

ЛМ
А65

Л. Н. АНДРЕЕВЪ.

ВЪСЕЙ ГРОЗНЫЙ

ЧАСЪ

СТАТЬИ

706
8

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ" Н. МИХАЙЛОВА.

ДМ
А-65

Л. Н. АНДРЕЕВЪ.

ВЪ СЕЙ ГРОЗНЫЙ ЧАСЪ.

СТАТЬИ.

706
8

Вся чистая прибыль съ книги поступаетъ на нужды русскихъ и сербскихъ воиновъ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Государственная публичная

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами. Г.г. переводчиковъ просятъ обращаться за разрѣшеніемъ на переводъ къ издателю Николаю Николаевичу Михайлову кн-во «Прометей», С.П.Б., Поварской, 10.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
787501 V

Типографія „Печатный Трудъ“, Птгр., Прачешный пер., 4, уг. Мойки.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

СТР.

Въ сей грозный часъ. 5

II.

Наши. 19

Любите солдата, граждане. 22

III.

Торгующимъ въ храмѣ. 27

Слово о Сербіи. 32

IV.

Бельгійцамъ. 43

Бельгія. 48

О Бельгіи 51

Франція, прости! 53

V.

Крестоносцы. 61
Homo. 70

VI.

Восхожденіе. 81
Освобожденіе 88

Въ сей грозный часъ.

Мы приняли войну, какъ необходимость,—и мы приняли ее безъ колебаній.

Колебанія были невозможны, разъ сама Германія съ высоты своего военнаго и культурнаго могущества объявила намъ и міру, что отнынѣ она находится «въ состояніи войны съ Россіей»; и они были бы святотатственны, эти колебанія воли и ума, ибо на чашу роковыхъ вѣсовъ возлагалось не только настоящее, но и все будущее Россіи. Мы, данный составъ «Россіи 1914 года», ея народъ и правительство—мы лишь преходящая форма, мы временные жильцы въ домѣ, который не нами начался, не нами и кончится; владѣя страной по случайному факту жизни, совпавшему съ моментомъ настоящей войны, мы не собственники Россіи, а лишь добросовѣстные управители ея богатствами, хранители ея невременной и державной сущности. «Россія и сыновья»—вотъ сущность той фирмы, если позволено такъ выразиться, у которой каждый изъ насъ имѣетъ самый крохотный с в о й пай.

Съ этой необходимой точки зрѣнія для всякаго государства и народа не существуетъ никакой границы между прошлымъ, настоящимъ и будущимъ,—той границы, что такъ суживаетъ интересы личности и дѣламъ ея придаетъ характеръ суетной эфемерности. И, борясь за Россію противъ могущественной Германіи, сознательно стремящейся къ порабощенію всѣхъ другихъ народовъ и расъ, мы боремся не только за тѣ временныя и преходящія формы, въ какихъ отлилось настоящее нашей родины, но и за всѣ тѣ возможности, которыя лежатъ въ основѣ нашей молодой культуры и пророчески предуказаны нашими духовными вождями. Не за Россію эмпирическую и сущую, а за Россію мыслимую, желаемую и возможную поднялъ оружіе русскій народъ.

Начавъ войну, мы доведемъ ее до конца: до полной побѣды надъ Германіей; и здѣсь не должно быть ни сомнѣній, ни колебаній. Сейчасъ еще смутны горизонты, обманы прошлаго еще сильны и желѣзная маска Гогенцоллерновъ еще не спала на земь: не всѣми разгадана тайна ихъ могущества, обаянія и страха; но уже несомнѣнно, что будущій историкъ съ ужасомъ остановится передъ минувшими десятилѣтіями, какъ передъ эпохой самой мрачной реакціи въ Европѣ. Подъ блескомъ внѣшней культурности, подъ покровомъ матеріальнаго богатства онъ найдетъ об-

разы ужасающаго одичанія и духовной нищеты; шоффeръ, выгоняющій гуманиста, необразованный ученый, дикарь въ котелкѣ и варваръ въ лабораторіи — вотъ мрачные герои вчерашняго дня. Когда Германія звала къ культурѣ, она душила истинную культуру; но когда она звала и къ свободѣ—она душила и свободу въ тискахъ механичности, въ категорическихъ императивахъ догмы, въ обожаніи дисциплины, единственной ея любви, которая была искренна и неподдѣльно горяча. Не было у свободы народовъ болѣе страшнаго врага, чѣмъ Гогенцоллерны; не было для Духа болѣе мрачнаго и универсальнаго гасильника, нежели Германія послѣдняго пятидесятилѣтія; и, пожалуй, не было въ исторіи болѣе опаснаго обмана, когда бы умнѣйшіе и честнѣйшіе люди съ такимъ восторгомъ двигались вспять, думая, что они побѣдоносно идутъ впередъ.

Побѣдить Германію необходимо, это—вопросъ жизни и смерти не только для Россіи, величайшаго славянскаго государства, всѣ возможности котораго еще впереди, но и для европейскихъ государствъ. Нечѣмъ будетъ дышать, если побѣдитъ Германія, незачѣмъ будетъ жить, не будетъ иного свѣта впереди, какъ только тусклый спальный ночникъ мѣщанина; останется только проклясть свой день рожденія и поскорѣе бухнуться въ яму, идѣже нѣсть печали и воздыха-

нія. Побѣда Германіи! Побѣда универсальнаго мѣщанина, деспота въ свободѣ, дикаря въ наукѣ, механизма въ жизни! И стоило тогда продѣлывать весь этотъ несчастный «историческій путь»,

стоило надѣяться и ждать, мечтать и вѣрить!..

Но принявъ войну, какъ необходимость, но всѣ силы духа и тѣла направивши къ побѣдѣ, но подчинивъ наше миролюбіе верховному благу «Сыновей» Россіи,—мы не должны ни на минуту забывать, что война есть страшнѣйшее изъ золъ и изъ всѣхъ необходимостей—самая печальная. Любитъ и славитъ войну Германія, а не мы; мечтой о войнѣ жила Германія, нашъ врагъ; насаждала крупповщину, творила своихъ лейтенантиковъ, устами писателей и профессоровъ воспѣвала милитаризмъ, братоубійство положила въ основу самаго существованія своего—Германія. И зная и помня это, необходимо съ особенной строгостью, съ особенной даже щепетильной совѣстливостью относиться къ себѣ и плевелы отдѣлять отъ пшеницы: то, что дѣйствительно необходимо для войны и побѣды отъ того, что является неумѣстнымъ украшеніемъ, невольной идеализаціей само по себѣ страшнаго и печальнаго дѣла. Наше миролюбіе,

завѣщано намъ нашими великими мертвецами, именитыми и без-

вѣстными тружениками и рыцарями св. Духа; оно есть нашъ неприкосновенный капиталъ, радость невеселаго прошлаго, надежда и право на лучшее будущее. Какъ братоубійство положено въ основу самаго бытія нынѣшней Германіи, такъ братолюбіе есть краеугольный камень, на которомъ строится, согласно завѣтамъ нашихъ учителей и пророковъ, молодая, крѣпкая Россія. И да не будемъ мы расточителями этого капитала, которымъ богата бѣдная Россія, бережно передадимъ его нашимъ сыновьямъ; щедро проливая нашу кровь, вооружимся скупостью за будущія жертвы!

И наряду съ непосредственнымъ чувствомъ возмущенія намъ надо радоваться, потому что германцы такъ подло и гнусно ведутъ войну, нарушаютъ договоры, не соблюдаютъ «правилъ» войны, убиваютъ дѣтей и женщинъ, грабятъ и пьютъ,—всѣмъ этимъ они содѣйствуютъ дѣлу мира. Какъ не въ мѣру усердные и болтливые жрецы, они выболтали и распустили по свѣту самую великую тайну своего надменнаго бога, бога войны: что онъ безуменъ, безчестенъ и золъ. Или они слишкомъ вѣрили въ его защиту? Или и въ этомъ видѣ своемъ онъ кажется имъ прекраснымъ? Или это и есть та честность и «гуманность» войны, на которую опираются ихъ идеологи крупповщины?

Но какъ бы то ни было, отсутствіемъ приня-

таго лицемѣрія и даже полной неприличностью своею, отказомъ отъ условныхъ правилъ и постановленій, своимъ стихійнымъ безчинствомъ они предали войну, разоблачили ея «скромныя тайны», уничтожили ея наивное и опасное притязаніе: стать чѣмъ-то вродѣ хирургіи въ большихъ размѣрахъ. «Хирургія» хотѣла бы, чтобы пули были стерилизованы, прежде чѣмъ стрѣльнуть ими въ друга-человѣка—они, не стѣсняясь, жарятъ разрывными: это—война! «Хирургія» желала бы, чтобы въ друга-человѣка стрѣляли твердыми конфектами—они жарятъ своими чемоданами, отъ которыхъ другъ-человѣкъ сходитъ съ ума: это война! «Хирургія» хотѣла бы, чтобы выжигались только зараженныя, такъ сказать, мѣста, а мирнымъ жителямъ можно было бы попрежнему ходить въ кинемо,—нѣмцы откровенно уничтожаютъ и мирныхъ жителей: это—война! Откровенные, пожалуй, даже до цинизма, германцы всѣми доступными способами — а ихъ много!—всему свѣту свидѣтельствуютъ, что дѣло войны есть злое дѣло, котораго не скрасить никакими фиговыми листками. Злое оно было тогда, когда подъ желѣзною пятой крупповщины умерла Германія мыслителей, когда во всемъ мірѣ тощалъ народъ, чтобы жирѣли пушки; злое оно и сейчасъ, когда ночные грохочущіе «поѣзда мертвецовъ» наводятъ ужасъ на жителей...

Эта ночь! Эти страшные грохочущіе во тьмѣ

«поѣзда мертвецовъ», управляемыхъ Харономъ; эти несчастные жители, которые закапываются головами въ подушки, чтобы не слышать, и все-таки слышатъ: грохочетъ-грохочетъ! Эти ужасные нѣмецкіе крематоріи, гдѣ жгутъ тоже по ночамъ, гдѣ мертвыхъ солдатъ связываютъ потрое и бросаютъ въ печь, какъ деревянныя чурки, гдѣ окрестъ—пустыня, ибо даже сами нѣмецкіе дрессированные, но еще живые, солдаты въ ужасѣ бѣгутъ прочь.

Вотъ образы войны, которые дала міру трагическая Германія, сгорающая въ своемъ собственномъ огнѣ. А въ то же время—и это самое здѣсь страшное!—вы догадываетесь, чѣмъ занятъ сейчасъ нѣмецкій умъ, бывшій германскій Геній? Слушая страшный грохотъ «поѣзда мертвецовъ», онъ думаетъ о томъ, какъ въ слѣдующій разъ раціональнѣе поставить дѣло погребенія отработанныхъ солдатъ. Быть можетъ, придумалъ уже и соотвѣтствующую машину, и мы еще о ней услышимъ—вѣдь сезонъ еще не конченъ!..

Да, это страшно, какъ всякая извращенность, когда человѣческій умъ стремится къ самоуничтоженію. И въ противность этому одичавшему германскому генію, жалящему самаго себя, русскій умъ долженъ имѣть иную заботу: какъ сдѣлать, чтобы въ слѣдующій разъ не стало надобности въ чудовищныхъ крематоріяхъ и машинахъ для погребенія, чтобы не германское

усовершенствованное братоубійство, возведенное въ перлъ творенія, а истинная человѣчность и братолюбіе легли въ основу возрожденной жизни. Этимъ мы выполнимъ задачу, возложенную на насъ нашими великими учителями Духа, этимъ мы приблизимся къ побѣдѣ, которая всегда за Давидомъ, а не Голіафомъ, этимъ—несмотря на ужасы войны—мы введемъ нашу потрясенную жизнь въ ея безсмертное русло, и возмущенной совѣсти нашей дадимъ единственно ея достойное удовлетвореніе. Какъ въ мирѣ, такъ и въ войнѣ, мы не должны спускать глазъ съ высокой цѣли нашей, съ звѣзды сіяющей, съ Россіи «сыновей», мечты нашей свѣтлой!

Радуясь и гордясь воинствомъ нашимъ, красотою жертвенной русскаго народа, болѣя ихъ болью, трепетно ловя ихъ послѣдніе вздохи, посланные на родину, огненными слезами оплакивая каждую каплю ихъ бѣдной, на землю пролитой крови,—мы должны стоять твердо и крѣпко, быть надежною опорою ихъ утомленнымъ плечамъ. Передъ лицомъ ихъ—сильный, безумно-настойчивый, озвѣрѣлый врагъ; за ихъ спиною—мы. Спокойствіе и силу должны чувствовать они за спиною, свѣтъ и тепло должны ощущать за спиною: пусть огромнымъ очагомъ мира, любви и свѣтлой красоты видится имъ далекая Россія! Не должно быть ссоръ и брани, злого и вреднаго, грубаго и ничтожнаго, мелкаго и личнаго.

Чѣмъ отвѣтитъ душа виду открытыхъ ранъ? Только отказомъ отъ личнаго можемъ оправдать мы каждую новую минуту нашей жизни: вѣдь, мы живемъ, когда они умираютъ!

Такъ свидѣтельствуетъ Библія—книга великой мудрости и непреходящихъ откровеній!

...10. Моисей и Ааронъ и Оръ взошли на вершину холма.

11. И когда Моисей поднималъ руки свои, одолѣвалъ Израиль, а когда опускалъ руки свои, одолѣвалъ Амаликъ.

12. Но руки Моисеевы отяжелѣли, и тогда взяли камень и подложили подъ него, и онъ сѣлъ на немъ, Ааронъ же и Оръ поддерживали руки его, одинъ съ одной стороны, а другой—съ другой стороны. И были руки его подняты до захожденія солнца.

13. И низложилъ Іисусъ Амалика и народъ его остріемъ меча. (Исх., гл. 17).

Въ этомъ великомъ образѣ Моисея, воздѣвшаго руки горѣ—образъ всего народа нашего: пока подняты молитвенно руки, мы побѣждаемъ; опускаются руки—и побѣждаетъ врагъ; и нѣтъ оправданія въ усталости, и ненарушима роковая связь между нами, сидящими на холмѣ, и ими, что въ долинѣ проливаютъ кровь. Надо молиться! Надо въ сей грозный часъ поддерживать другъ другу руки, когда онѣ отяжелѣютъ, когда тоска,

и усталость, и мрачныя видѣнія смерти обезсилятъ слабыя мышцы. Надо молиться!

И молитвою всѣхъ насъ, сидящихъ на холмѣ, пусть будетъ немеркнущая память обо всемъ великомъ, прекрасномъ и человѣческомъ, что добыто трудами тысячъ поколѣній и что въ сохранности должны мы передать вмѣстѣ съ побѣдою Россіи «сыновей». Это называется культурой—книгами, искусствомъ, наукою, добрыми человѣческими отношеніями: это есть капиталъ всего человѣчества—«Земли и Сыновей». И этотъ свѣтильникъ не долженъ гаснуть, и въ поддержаніи его священнаго огня—долгъ нашъ, сидящихъ на холмѣ, наша молитва. Мнѣ эта «культура» представляется храмомъ, надъ которымъ безконечно и самоотверженно трудился Духъ. И пусть нѣмецкіе геніальные снаряды разрушаютъ реймсскіе соборы—въ этомъ храмѣ ни одна колонна не должна быть сдвинута съ мѣста, ни одинъ фризъ не долженъ быть разрушенъ, ни одинъ Образъ не смѣетъ быть запятнанъ прикосновеніемъ кровавыхъ рукъ.

Читайте книги и посѣщайте музеи, бывайте въ театрахъ, дружите съ людьми. Общайтесь съ великими; ихъ безсмертно звучащія рѣчи сильнѣе грохота снарядовъ, ихъ правдивой красоты не побѣдить лживымъ красотамъ ночныхъ пожаровъ. Крови слишкомъ много, она подступаетъ къ горлу, въ ней можно захлебнуться и поте-

рять сознаніе — держитесь крѣпче за великихъ, за пророковъ и человѣколюбцевъ, ихъ свѣтловѣющія одежды имѣютъ силу держать надъ пучиной. И когда ослѣпленный Богомъ, какъ всѣ обреченные, уже безнадежно лгущій Вильгельмъ снова скажетъ о «силѣ нервовъ, которая побѣждаетъ,—противопоставьте ему силу Духа, которая не знаетъ пораженій. Въ поднятыхъ къ небу рукахъ, въ сердцахъ, вознесенныхъ горѣ,—вотъ гдѣ наша сила, и вѣрная помощь солдату, и обѣтъ великой побѣды надъ страшнымъ врагомъ!

Надо молиться! Молитвою живы только люди: молитвою живетъ въ живыхъ самъ Богъ. Творите Бога непрестанно!

II.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Наши.

...Усталый, я заснулъ. Были сумрачны и сѣры сны, какъ самъ сѣрый петербургскій день, мокро и подслѣповато глядѣвшій въ окно. Привычно, не безпокоя слуха, грохотала улица мокрыми экипажами, и пріятнымъ казалось тепло постели; и вотъ — сквозь дрему и сны коснулся слуха высокій звукъ многоголосой пѣсни. Я приподнялся: свѣтло и сѣро, грохочетъ улица—и пѣсни не слыхать,—приснилось, вѣроятно. Но нѣтъ: вотъ снова человѣческіе голоса, много голосовъ; такіе особенные среди механическаго стука колесъ о камень, они поднимаются высоко, что-то зовутъ, поднимаютъ, какъ будто бы кричатъ: ур-р-ааа. Нѣтъ, это пѣсня... идутъ солдаты.

Я распахнулъ окно. Солдаты. Пересѣкая площадь, въ сизомъ туманѣ, словно я смотрѣлъ съ высокой горы въ долину, по мокрой и липкогрязной мостовой широкимъ строемъ ритмично шагали солдаты и пѣли. Ихъ было много, полкъ или два, я не знаю—они шли долго, желтовато-сѣрые, съ красными пятнышками погоновъ, съ

бѣлыми походными мѣшками за спиной; и такъ весело, такъ легко и стройно они шагали, что съ моей горы это казалось какимъ-то танцемъ. Не было слышно ни запѣвалы, ни словъ, но черезъ опредѣленные промежутки высокая и ровная волна свѣжихъ и сильныхъ голосовъ заливала грохотъ экипажей, лязгъ какого-то желѣза. И вотъ эти свѣжіе голоса поразили и очаровали меня: день былъ такой сѣрый и печальный, октябрьскій дождливый день, а въ нихъ звучало солнце, просторъ полей, зеленая глушь лѣсовъ. Ясные и молодые, они поражали не только слухъ, но и зрѣніе: они видѣлись румяными, среди вѣчныхъ сумерекъ города, они цвѣтисто выдѣлялись, какъ лоскутъ кумача въ туманѣ. Но было въ нихъ и еще одно: вдругъ всѣ пѣвшіе, сколько ихъ ни было, стали моими родными братьями, вошли въ самое сердце неразрывной любовью и такой глубокой нѣжностью. Вотъ они прошли. Вотъ въ хвостѣ проползли четыре телѣги, нагруженныхъ горочкой мѣшковъ и котомокъ — это ихъ имущество, маленькій и скромный багажъ, надъ каждымъ мѣстомъ котораго трудились, собирая, и плакали женщины. И вотъ уже никакого слѣда: мелко зарябила улица и сравняла волны отъ большого корабля, пошедшаго далеко. Ждалъ, не услышу ли пѣсню еще, хоть эхо, хоть краемъ уха—нѣтъ.

Тогда я закрылъ окно и, нечего таиться —

заплакалъ. Плакалъ о томъ, что они такъ молоды и сильны, о томъ, что не жалуются они, а радостно идутъ на смерть, что у нихъ такіе красивые, такіе славные и правдивые голоса. И о томъ, что они родные братья, дѣти родной и любимой матери—Россіи.

Любите солдата, граждане!

Любите и жалѣйте солдата, не забывайте о солдатѣ, граждане, живые въ мирѣ его защитой. Каждую ночь, ложась въ теплую постель, вспоминайте о немъ, бодрствующемъ въ мокрыхъ и холодныхъ окопахъ, или тамъ же засыпающемъ послѣднимъ сномъ,—пусть это будетъ вашей молитвой. И о немъ же думайте, просыпаясь, пусть съ любовной мысли о солдатѣ начинается вашъ день. Любовь превозмогаетъ все. Тысячами незримыхъ путей, могучими токами сердечнаго напряженія, дойдетъ ваша любовь до солдата и тепломъ напоитъ его душу, сопряженную смерти, его измученное тѣло, оторванное отъ родныхъ корней. Не заботьтесь о почтѣ и адресѣ: самъ ангелъ любви будетъ вашимъ посланцемъ и бережно донесетъ до далекаго каждый вашъ вздохъ и слезу. Вѣрьте, вѣрьте въ силу любви!

И берегитесь сомнѣній, гоните страхъ и робкія двуличныя мысли. Онъ узнаетъ и это,—все дойдетъ до него тѣми же незримыми и воздушными путями. Не смущайте солдата.

Его мышцы и духъ сильны вашей волей къ побѣдѣ, вся армія наша только образъ воли народной, ея закаленное остріе. Напрягайте, напрягайте волю къ побѣдѣ! Не изъ стали дѣлается оружіе—изъ воли къ побѣдѣ, изъ твердости духа народнаго куются самые острые мечи. Думайте о солдатѣ!

III.

Торгующимъ въ храмѣ.

Я не политикъ, не дипломатъ, не членъ партіи, я—писатель, для котораго выше всего стоятъ интересы справедливости и добра. Какъ политикъ, я искалъ бы примирительнаго тона, больше всего боялся нетактичности и живое чувство возмущенія держалъ бы на трензеляхъ; какъ дипломатъ, я округлялъ бы фразы и по полочкамъ раскладывалъ товаръ для господъ реальныхъ политиковъ Болгаріи—какъ писатель, я говорю прямо. Не ищите здѣсь «авторитетнаго источника», гдѣ взвѣшиваютъ слова по гранамъ—за мной нѣтъ иного авторитета, кромѣ всевластнаго чувства негодованія и жгучей скорби.

Что вы сдѣлали и что вы продолжаете дѣлать, болгары? Славянскій міръ стыдится и потупляетъ глаза, когда слышитъ имя: болгаринъ—такъ въ честной семьѣ стыдятся недостойнаго сочлена. У васъ славянское сердце, болгары, но нѣмецкіе мозги, и языкъ вашъ раздвоенъ, какъ у змѣи. Что же дѣлало ваше славянское сердце, пока нѣмецкіе мозги и руки везли черезъ вашу

страну орудія и бомбы для турокъ? Оно молчало, пока извивался языкъ вашихъ дипломатовъ. Оно молчитъ и теперь, когда уже пошли въ ходъ нѣмецкія бомбы и мины, уже убиваютъ и гонятъ русскихъ людей—сколько вамъ досталось за провозъ, болгары?

Когда Европа, Азія и Африка охвачены пламенемъ послѣдней смертельной борьбы, вы заглушаете голоса умирающихъ своими жалобами на какія-то обиды; надъ стонами раненыхъ, надъ могилами братьевъ разнозится торгашескій голосъ вашихъ вождей. Когда въ отчемъ домѣ, который и ваше жилище, болгары!—бродитъ смерть и слезы осиротѣвшихъ поднимаются къ небу, вы торопливо предъявляете старые счета, не прочь обшарить и карманы брата-должника. У васъ славянское сердце, но у васъ нѣмецкіе мозги—сдерживающіе ваши святые порывы, вы реальные политики—такъ будутъ теперь называться цыгане на ярмаркѣ. Какъ барышники лошади, такъ вы засматриваете въ зубы побѣдѣ, толкаете ее колѣномъ подъ животъ: не обманула бы судьба честнаго болгарина, не отдаться бы раньше времени святому порыву братскаго чувства!

Изнывая отъ боли, теряя послѣднюю кровь, бьется за свободу маленькая, бѣдная Сербія: оглушенные грохотомъ великихъ сраженій, ослѣпленные молніями нѣмецкихъ орудій, мало думаютъ о ней народы. Ея театръ войны—малень-

кій провинціальный театрикъ, гдѣ мѣстные трагики тоже что-то дѣлаютъ и даже на двухъ заборахъ приклеены двѣ обмокшія афиши. Но на этомъ театрикѣ льется та же горячая кровь, та же смерть беретъ героевъ и тѣ же слезы льются у матерей. И никому, быть можетъ, такъ не больно, такъ не трудно и такъ не страшно сейчасъ, какъ этому неблестящему, бѣдному полузабытому народу: вѣдь его сосѣдомъ ты являешься, родная Болгарія! Ты не забыла о немъ, Болгарія, и одну руку держишь ладонью кверху, а въ другой рукѣ зажимаешь ножъ для братскаго горла! Не перерѣзать ли его, Болгарія? Когда-то во славу нѣмецкихъ мозговъ и кармана вы уже исполнили этотъ кровавый танецъ духовной нищеты,—не повторить ли его на бисъ? Время такъ удобно. Глупая Сербія истощена, умная Австро-Германія уже собираетъ желѣзные корпуса на ея границѣ и готовится къ такому страшному пиру, передъ которымъ поблѣднѣютъ всѣ ужасы Антверпена и Лувена; на младенцахъ срываетъ зло промахнувшійся и пойманный грабитель. И если, Болгарія, ты осторожно подойдешь сзади и запустишь ножъ между ребрами... вѣдь ты знаешь, гдѣ сердце у Сербіи!—то это будетъ очень недурная стратегія и превосходная, нѣмецкая, реальная политика. Скорѣе же, въ самыя уста цѣлуй брата, Болгарія. Ты помнишь, какъ это дѣлается? Двѣнадцать апостоловъ было у

Іисуса, но только одинъ поцѣловалъ его въ уста... но ты помнишь, конечно, какъ это дѣлается и какъ звали двѣнадцатаго. Но если ты забыла, если ты плохо помнишь Евангеліе, спроси у Вильгельма Гогенцоллерна: онъ весьма начитанъ въ Священномъ Писаніи и еще недавно съ глубокимъ знаніемъ дѣла въ самыя уста поцѣловалъ невинную Бельгію... до сихъ поръ еще горитъ этотъ поцѣлуй Іуды!

Скорѣе же, болгары, спѣшите,—но только не оправдывайтесь, какъ турокъ, не лгите, скройте вашъ раздвоенный языкъ, за которымъ видится смертельный ядъ. Не выставляйте на прилавокъ ваше славянское сердце, не жалуйтесь, что вы сами несчастны, что вашъ народъ—стадо барановъ, которыхъ нѣмецкій пастухъ держитъ въ загорожѣ. Я этому не вѣрю. Если же вы дѣйствительно несчастны и безвинны, если ваша родная намъ душа стонетъ подъ игомъ нѣмецкихъ мозговъ—возстаньте, какъ возстаютъ народы! Не бойтесь, что это будетъ трудно и опасно. То, что кажется нѣмецкими мозгами,—только шляпа на вашей головѣ, и малѣйшій порывъ свободнаго вѣтра унесетъ ее назадъ, въ ея нѣмецкое отечество... или склонитъ низко передъ русскими знаменами. И тогда я повѣрю вамъ.

Но если, какъ барановъ, васъ будутъ держать въ нѣмецкой загорожѣ, пока вопіетъ къ небу братская кровь,—или поведутъ васъ па-

стухи на предательство, и вы, подобно всѣмъ воюющимъ, начнете выселять русскихъ изъ Болгаріи, то первымъ, самымъ первымъ удалите бронзовый памятникъ Александру Второму, который васъ создалъ: вѣдь онъ тоже былъ русскимъ.

---

2 ноября 1914 года.

Слово о Сербіи.

Тяжелое занятіе—распредѣлять нужду по рангамъ, голодныхъ размѣщать по классамъ, для несчастій и страданія устанавливать степени и порядки. Разорены, голодны и несчастны бельгійцы; разорены, голодны и несчастны евреи и поляки въ Привислинскомъ краѣ, да тоже и галиційцы. Несчастны, голодны, разорены и сербы—и кто осмѣлится сравнивать, чье горе глубже, чей голодъ страшнѣе и нестерпимѣй: еврея, бельгійца, серба? Какою чашею можно измѣрить и сравнить слезы, гдѣ тѣ точные вѣсы, на которыхъ взвѣшивается тяжесть обиды и страданія! Всѣ солоны слезы.

И съ широкой отзывчивостью и добротой, которая облагородитъ эпоху кровавѣйшей изъ войнъ и мертвую воду разрушенія превратитъ въ живую воду любви и созиданія, нашъ народъ отнялъ еще крупицу у малой сытости своей и помогъ полякамъ, помогъ евреямъ и бельгійцамъ. Но сербамъ онъ еще не помогъ—а плохо дѣло у сербовъ, очень плохо. Не смѣю сравни-

вать—но едва ли не хуже, чѣмъ у кого-либо на свѣтѣ.

Правда, мы не слышимъ оттуда ни жалобъ, ни громкихъ криковъ о помощи. Наоборотъ, каждый день придушенный голосъ бодро сообщаетъ: „мы ничего, мы держимся. Деритесь тамъ за общее святое дѣло наше, а мы ничего, мы держимся". И только вслушавшись въ хрипоту этого далекаго и бодраго голоса, только замѣтивъ, какъ изо-дня-въ-день слабѣетъ онъ отъ непрерывной потери крови—вы почувствуете въ немъ и глубочайшую тоску, и отчаяніе—почти что ужасъ! Съ Сербіи началась война: первымъ убитымъ въ этой великой борьбѣ народовъ былъ сербъ; и этого не забудетъ, и это отмѣтитъ исторія. И съ того перваго убитаго серба и до того серба, котораго убили вчера, убиваютъ сегодня, сейчасъ—четыре мѣсяца мужественно бьется маленькій, одинокій, героическій народъ со своимъ королевичемъ Александромъ, дважды раненымъ, чуть не убитымъ, воскресающимъ лишь для новыхъ битвъ и подвиговъ.

Посмотрите на карту: за спиною Польши—могучая Россія; рядомъ съ Бельгіей, протягивая ей братскія руки, стоятъ богатая Франція и могущественная Англія. А Сербія?—взгляните, какъ одинока она среди странъ, какъ далеко ей до единственнаго ея друга—Россіи, какой у нея темный, страшный и подозрительный сосѣдъ; да

и бѣдно все кругомъ, какъ бѣдна она сама. Но жалобъ не слышно: каждый день хрипитъ черезъ телеграфное агентство придушенный, слабѣющій и бодрый голосъ: „мы ничего, мы держимся—деритесь спокойно!“

Но долго-ли?

О бѣдности Сербіи мы много знаемъ, но еще больше разсказали о ней германцы. Съ плоской насмѣшкой сытаго мѣщанина, съ увѣренностью тупыхъ людей, что это и остроумно, и забавно— въ тысячѣ каррикатуръ намъ показали „Сербію“: ея лачуги, ея босыхъ солдатъ и оборванныхъ министровъ, ея королевича Александра, который самъ — это верхъ изящнаго остроумія — самъ штопаетъ свои штаны. Но чѣмъ шире улыбалось плоское лицо германца-мѣщанина, тѣмъ большей жалостью и скорбью наполнялось наше сердце: вѣдь, мы и сами не изъ богачей, знаемъ и голодъ, и нужду, и на одно палаццо у насъ милліонъ придавленныхъ къ землѣ лачугъ. Насъ бѣдностью не насмѣшишь! И если это правда, какъ утверждаютъ, что сербы-солдаты идутъ въ бой босыми, что у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни врачей, ни лѣкарствъ, то тѣмъ печальнѣе, тѣмъ больнѣе. Говорятъ дальше, что ихъ „стратегическія“ отступленія — маневръ мужественныхъ бѣдняковъ, у которыхъ нѣтъ снарядовъ для стрѣльбы, и только поэтому они отходятъ. Говорятъ еще дальше, что всѣ уже мужчины

на войнѣ, на войнѣ старики и подростки... да откуда же и взяться народу въ маленькой странѣ, которая только что выдержала трехлѣтнюю войну и весь цвѣтъ свой уже отдала кровавому Молоху? Остались старики, да молодая завязь, не успѣвшая и развернуться, а биться надо, до самой смерти надо биться.

Вѣдь, не забудьте, что съ сербами не войну ведутъ. Не забудьте, что это называется карательной экспедиціей: идутъ на Сербію не войска, не солдаты, не офицеры, а палачи, предводительствуемые оберъ-палачами. Въ войнѣ есть хоть какія-нибудь правила, маленькія поблажки, хоть внѣшняя корректность: народъ въ сторонѣ, войска дерутся съ войсками—и это война. Но гдѣ границы и предѣлы для карательной экспедиціи, единственная цѣль которой жестоко наказать и устрашить? И если германцамъ въ Бельгіи надо все же выискивать предлоги, чтобы имѣть право повѣсить сотню гражданъ и сжечь соборъ—то какихъ еще предлоговъ искать карателямъ? Съ видомъ подлаго безкорыстія съ самаго начала гордо заявили австрійцы, что они не хотятъ „территоріальныхъ пріобрѣтеній“—имъ нужны только сербская кровь, сербскій ужасъ, сербское несчастье. Они сами истцы, они же сами и судьи, они же и палачи—вотъ кто австрійцы въ этомъ позорномъ походѣ на изнемогшую страну. Ихъ циничный ло-

зунгъ: сколько осилю, столько и истреблю—естественно, что слабые, которыхъ легко осилить, идутъ въ первую голову на этомъ праздникѣ австрійскаго правосудія.

Неслыханное дѣло! Сознательно, съ голымъ цинизмомъ, которому нѣтъ примѣровъ, передъ глазами всего цивилизованнаго міра, выпустивъ чуть-ли не афиши—австрійцы цѣлую страну вознамѣрились превратить въ одинъ сплошной красный эшафотъ на тысячу квадратныхъ километровъ, каждое дерево—въ висѣлицу для серба, каждую голову—въ матеріалъ для палача. Неслыханное дѣло!

И тамъ, гдѣ они могли, они исполнили то, что обѣщали. Ихъ программныя звѣрства такъ ужасны, что просто неловко какъ-то говорить, чувствуешь себя перенесеннымъ въ какой-то почти нереальный міръ, куда можно заглянуть на мгновеніе, но долго оставаться—не выдержитъ сознаніе. „Было такъ страшно, что я не чувствовалъ страха“,—говоритъ покойный Семеновъ, описывая гибель при Цусимѣ броненосца „Суворовъ“, на которомъ находился. И здѣсь, въ Сербіи, совершаемое австрійцами такъ ужасно, что уже почти перестаетъ чувствоваться, какъ ужасъ; есть для нашей чувствительности граница, за которою человѣкъ просто мертвѣетъ и какъ бы не вѣритъ свидѣтельству собственныхъ глазъ. И я не стану приводить фактовъ;

они собраны, зарегистрованы, протокольно удостовѣрены (какъ это сдѣлалъ Вандервельде по отношенію къ германскимъ звѣрствамъ въ Бельгіи) и въ свое время, когда возстановится честный судъ Европы, получатъ свою оцѣнку.

Одно только нужно повторить и подчеркнуть: здѣсь австрійцы не стѣснялись. Призванные карать и ужасать, они встрѣтили передъ собой не бельгійцевъ и французовъ, за которыми даже ихъ надменная мысль признаетъ нѣкоторыя человѣческія права,—они встрѣтили славянъ, низшую расу, нѣчто среднее между гориллой и человѣкомъ, что-то въ родѣ колоніальнаго бушмена или малайца. А въ этомъ отношеніи рука у всѣхъ европейскихъ культуртрегеровъ достаточно набита, и можно представить, до какой роскоши безграничнаго карательства дошли австрійцы — и что е щ е они обѣщаютъ Сербіи, стягивая корпуса у ея границы! Газеты сообщали, что семь корпусовъ готовятся къ вторженію въ Сербію; семь же корпусовъ—это ровно 280 тысячъ палачей-карателей, которые не ищутъ „территоріальныхъ пріобрѣтеній“, а только сербской крови, сербскаго ужаса, сербскаго несчастья! Какъ обнажится сербская земля! Какая новая пустыня откроется на Балканскомъ полуостровѣ, если нѣмцамъ удастся ихъ планъ, и иная, болѣе могучая и свѣтлая, сила не остановитъ ихъ передъ первой ступенью неслыханнаго эшафота.

И нашъ добрый и славный народъ, который уже помогъ бельгійцамъ и полякамъ, не долженъ забывать о замученной, истощенной, молчаливо-героической Сербіи. Ея бѣдность—не порокъ, который нужно скрывать и котораго слѣдуетъ стыдиться, и если загорѣлое, сухое тѣло мужественнаго серба сплошь покрыто рубцами отъ турецкихъ ятагановъ и нѣмецкихъ зазубренныхъ штыковъ, то его руки сплошь въ рабочихъ мозоляхъ. Вся его историческая жизнь—это жизнь суроваго мученика-трудолюбца, у котораго въ одной рукѣ заступъ, а другую онъ поднялъ для защиты головы: его жизнь—это непрерывный мартирологъ мучениковъ за свободу, безконечная вереница распятыхъ, распятыхъ, распятыхъ! Онъ минуты отдыха не зналъ за столѣтія, онъ не извѣдалъ счастья простой безопасности,—когда тутъ было нажить богатства, асфальтовыя улицы, готическаго Вертхейма и Аллею Побѣдъ! Да, онъ бѣденъ и босъ, и руки его въ мозоляхъ, и тѣло его въ шрамахъ, и душа его налита неизсякаемой скорбью—онъ, сербъ, у котораго дѣти, вмѣсто школы, дожны драться за свободу и жизнь. Необходимо помочь ему, необходимо!

И вотъ еще чего не забудьте, думая о Сербіи: въ Сербіи насъ любятъ—горячей, искренней, почти нѣжной любовью. Попробуйте, кто бы вы ни былъ, проѣхаться сейчасъ по ея окровавленнымъ полямъ и городамъ... и вамъ покажется,

что вы владѣтельный князь, пророкъ, самъ ангелъ Божій—такою любовью и почтеніемъ окружатъ васъ эти измученныя люди! Послѣдній коверъ постелятъ они подъ ваши русскія ноги, отнимутъ отъ своихъ голодныхъ устъ послѣдній кусокъ хлѣба—и съ божественной щедростью бѣдняка угостятъ васъ, драгоцѣннѣйшаго гостя изъ милой Россіи. Молясь Богу, кого они упоминаютъ въ молитвѣ прежде своихъ дѣтей?—Россію. Тысячи лѣтъ ожидая солнца, въ какую сторону смотрятъ ихъ распятые, куда посылаютъ слезы и вздохи матери ихъ замученныхъ дѣтей?—туда, гдѣ за синимъ туманомъ свѣтятся въ небѣ золотые купола московскаго Кремля.

Насъ такъ мало любятъ вообще и такъ мало уважаютъ: варвары!—еще недавно кричалъ на насъ К. Либкнехтъ,—варвары, васъ надо выкинуть за Уралъ! И тѣмъ болѣе должны мы дорожить этой нѣжной и довѣрчивой любовью; въ ней залогъ не только сербскаго, но и нашего возрожденія. Множьте любовь! Множьте любовь! Если другіе народы борются за міровое господство, за куски земли и моря, то намъ еще надо завоевать уваженіе—множьте любовь, множьте щедрость! Множьте великодушіе ваше!

Помогите сербу, который молча истекаетъ кровью.

---

11 ноября 1914 г.

IV.

Бельгійцамъ.

Наступитъ нѣкогда день—и въ Берлинъ вступятъ войска союзныхъ державъ.

Войдетъ русская армія. Огромная, сѣрая и трудовая, спокойная и неторопливая, она идетъ долго по асфальтовымъ мостовымъ, отбивая привычный тяжелый шагъ. И мрачно смотритъ на нее мрачный Берлинъ: не для того онъ дѣлалъ такія прямыя и превосходныя улицы, чтобы по нимъ маршировали русскіе солдаты. И противно Берлину: онъ, хотѣвшій быть самымъ сильнымъ, онъ, мечтавшій стать послѣднимъ Римомъ, и владычество свое утвердить надъ всѣмъ міромъ,—онъ оказался слабъ, онъ побѣжденъ. Тѣ, кого всю жизнь онъ считалъ низшей расой и варварами, непочтительно шагаютъ подъ Бранденбургеръ-Торъ, и... о, варвары!—даже не дѣлаютъ попытки хоть что-нибудь разрушить, хотя бы носъ одинъ отбить у мраморныхъ героевъ Аллеи Побѣдъ! Если нельзя быть побѣдителемъ, то недурно стать мученикомъ, но нѣтъ—и этого удовольствія не хотятъ доставить безжалостные варвары изъ Россіи. Противно Берлину!

Войдетъ французская армія. Легко и весело шагаютъ французы, такіе странные и такіе неприличные на улицахъ мрачнаго Берлина въ своихъ старомодныхъ красныхъ шароварахъ; радостью горятъ ихъ черные глаза и съ обиднымъ любопытствомъ разсматриваютъ они свѣжіе памятники прусской столицы, перешептываются, смѣются. И горько Берлину: тѣ, кого онъ спокойно и давно призналъ вырождающимися и обреченными на безславную историческую гибель, тѣ, кого онъ презиралъ,—непочтительно шагаютъ по его надменнымъ улицамъ—горько Берлину! Но, вѣдь, и побѣжденный можетъ быть прекрасенъ: и не о красотѣ ли Берлина шепчутся французы? Хоть и вырождающіеся, они кое-что понимаютъ въ красотѣ городовъ, у нихъ у самихъ есть Парижъ, и вѣжливой похвалой они могли бы нѣсколько загладить неприличіе своего вторженія въ міровой городъ. Конечно, разрушать они не станутъ, они слишкомъ выродились для такого бодраго занятія, но похвалить они обязаны! Но нѣтъ: смотрятъ насмѣшливо и удивленно на красоту Фридрихъ-Штрассе, на строгую готику Вертгейма, на грозныхъ львовъ у памятника Вильгельму; и—это уже невѣжливо, это уже вандализмъ и варварство!—отъ души хохочутъ на Аллеѣ Побѣдъ, останавливаются, даже идти не могутъ отъ смѣха. Горько и противно Берлину!

А вотъ и англичане,—«наши кузены съ того берега», проклятые торгаши, измѣнники культурѣ,—невыносимо смотрѣть на нихъ мрачному Берлину! Какъ будто и не измѣняли культурѣ: все та же твердая поступь, какою уже давно измѣрили они землю, все тотъ же спокойный и гордый взглядъ, все та же отвратительная манера держаться господами даже въ Берлинѣ. Равнодушно шагаютъ по прекраснымъ мостовымъ, не замѣчая, какъ изумительно выметены онѣ для нынѣшняго парада,—или они притворяются равнодушными отъ зависти? Нѣтъ,—даже позѣвываютъ отъ берлинской скуки, смотрятъ на маленькую Шпре и спрашиваютъ негромко: это рѣка? Обидно и горько мрачному Берлину.

Но кто эти, которые идутъ дальше?—кто эти, передъ кѣмъ преклоняются всѣ знамена, кого привѣтствуютъ почтительнымъ молчаніемъ и русскіе, и англичане, низко склоняютъ головы, обнажаютъ ихъ, какъ въ церкви? Кто эти—маленькая кучка блѣдныхъ и измученныхъ людей? Лица ихъ мужественны и опалены порохомъ, но шагаютъ они устало, какъ послѣ безконечно дальняго пути. Кто эти, кто даже не смотритъ на красоту Берлина, но передъ кѣмъ незамѣтно пригибается самъ Берлинъ, становится ниже, какъ будто падаетъ на колѣни?

Ахъ, да,—это бельгійцы... то, что осталось. И стыдно становится мрачному Берлину.

А кто этотъ, кто впереди, передъ кѣмъ склоняются сами мужественные и несчастные бельгійцы? Скромный и простой, мужественный и кроткій, молодой, но уже съ морщинами горя и страданій на красивомъ лицѣ,—кто этотъ рыцарь съ открытымъ челомъ и печальными глазами? Это бельгійскій король Альбертъ, вновь бельгійскій король. И стыдно становится Берлину! Какъ передъ жертвой насилія, возставшей изъ гроба,—опускаются угрюмые глаза, стыдомъ и тоскою заливается ожесточенное сердце. И скупыми слезами плачетъ Берлинъ: о чемъ-то безвозвратно утраченномъ плачетъ Берлинъ,—о былой чести своей, о былой славѣ и честномъ имени своемъ, о погибшей Германіи плачетъ Берлинъ.

Но вотъ весеннее солнце выглянуло изъ тучъ. Мудрое, самый ласковый лучъ свой, золотой и теплый, оно бросило на прекрасную и благородную голову того, кто въ невыносимыхъ страданіяхъ за свой народъ тщетно искалъ смерти подъ нѣмецкими снарядами,—берегла его судьба для иной, прекраснѣйшей доли. Золотой короной легли лучи на скромной головѣ его, и ниже склонились знамена, и больнѣе стали скупыя слезы угрюмаго Берлина.

И тогда... этому трудно повѣрить, но это правда,—и тогда кто-то по-нѣмецки крикнулъ королю Альберту: гохъ! На него взглянули—да, это нѣмецъ кричалъ: смотрѣлъ на короля Аль-

берта, плакалъ открыто и кричалъ: гохъ! «Это измѣна»—сказали одни. «Нѣтъ, это совѣсть»,—сказали другіе. А тотъ все кричалъ и плакалъ; и вскорѣ присоединились другіе голоса и также кричали: гохъ! И чѣмъ громче становился привѣтственный возгласъ, тѣмъ менѣе побѣжденнымъ казался Берлинъ, терялъ свою мрачность, золотился солнцемъ, какъ всякій другой Божій городъ. Смущенно и привѣтливо улыбался блѣдный король, и все громче становились клики: въ измѣнѣ самой себѣ возрождалась Германія, звала назадъ былую славу, свое честное имя.

...Конечно, это моя мечта,—отчего и не помечтать о справедливости, о совѣсти народной, о Божьемъ судѣ! И не одинъ я такъ мечтаю. Очень возможно, что всѣ мы ошибаемся, и нѣтъ вовсе справедливости, и нѣтъ совѣсти, и не войдетъ король Альбертъ въ Берлинъ, и уже навѣки погибла свободная Бельгія. Неисповѣдимы судьбы народовъ, и уже давно не посылаетъ на землю пророковъ разгнѣванный Богъ. Кто знаетъ? Кто знаетъ?

Но что, кромѣ мечты нашей, можемъ мы послать благородному народу и его благородному королю? Истерзанный войной, выгнанъ народъ изъ своихъ трудовыхъ жилищъ и брошенъ въ море — что, кромѣ мечты о справедливости и Божьемъ судѣ, можемъ послать ему мы!

Бельгія.

Монологъ.

Я—Бельгія.

О, посмотрите на меня, добрые люди! На мнѣ бѣлыя одежды, такъ какъ я невинна передъ Богомъ мира и любви: не мною брошенъ факелъ брани, не мною воззжены огни пожаровъ, и слезы матерей и вдовъ не мной исторгнуты изъ ихъ очей.

О, посмотрите на меня, добрые люди! Вотъ это красное, здѣсь, на груди, что такъ страшно пятнаетъ бѣлыя одежды—это рана моего сердца, источающаго кровь. Въ самое сердце поразилъ меня предатель, въ грудь мою вонзилъ онъ мечъ—о, какой жестокій, какой безжалостный ударъ!

Я лугомъ шла вотъ съ этими цвѣтами, я пѣнью птицъ внимала въ высотѣ, я гимны возсылала Богу, создавшему цвѣты... кому мѣшалъ мой путь среди цвѣтовъ и пѣсенъ? Въ самое сердце поразилъ меня предатель, и бѣлые поникли лепестки, ихъ оросила кровь...

Бѣлая роза! Бѣлая роза, моя нѣжная, бѣлая роза!

О, посмотрите же на меня, добрые люди. Это не корона, это водоросли на головѣ моей, это зеленыя травы съ морскихъ луговъ, которыми укрыло меня море. Куда мнѣ было пойти? И я пошла къ моему старому милому морю, я на колѣни пала передъ его могучими валами, и я молила тихо: укрой меня, мое милое, старое море, мнѣ больше некуда идти. Въ дому моемъ свирѣпый чужеземецъ, мои кроткія дѣти преданы смерти—и видишь тамъ какіе страшные огни?.. это горятъ мои старые храмы. Защити меня, спаси, укрой меня, мое милое, старое море, мнѣ больше некуда идти!

Такъ я сказала и заплакала горько-горько!—и укрыло меня, безпріютную, мое старое, милое море.

И я изъ моря пришла.

Я изъ моря пришла, чтобы сказать вамъ, что я жива.

О, посмотрите на меня, добрые люди: я—Бельгія и я жива. Живъ мой дорогой король Альбертъ и живъ народъ бельгійскій!

Нѣтъ, это не слезы въ моихъ глазахъ, я плакала довольно: священнымъ гнѣвомъ пламенѣетъ сердце!

Нѣтъ, это не рана на моей груди—это красная роза, неугасимое пламя войны, обѣтъ священный.

Красная роза! Красная роза, моя страшная красная роза!

Нѣтъ,—это не морскія травы на головѣ моей: это корона Бельгіи, вѣнецъ свободнаго народа.

Гдѣ мой мечъ?

Во имя короля, во имя закона, во имя свободы поднимаю я мечъ!

На помощь Бельгіи, народы!

Боже, храни царя и Россію, отдавшую мнѣ кровь.

Боже, храни короля и Британію, отдавшую мнѣ кровь.

Впередъ, дѣти прекрасной Франціи, формируйте батальоны—спѣшите, спѣшите!

На помощь Бельгіи, народы!

О Бельгіи.

Къ анкетѣ для „Книги короля Альберта.“

У войны два лица: тусклое и мрачное лицо германца, отверженнаго Богомъ, — и свѣтлый ликъ бельгійца. Мраку и плоскости души германца противустоятъ горнія высоты бельгійскаго духа. Было бы страшно, было бы невыносимо жить и дышать подъ чернымъ небомъ войны, — если бы не свѣтило со стороны Бельгіи незаходящее солнце. Когда я подумаю, сколько глазъ оплакиваетъ Бельгію; когда я подумаю, сколько сердецъ забилось мужествомъ и силой во имя ея, сколько омертвѣвшихъ душъ воскресло на ея Голгоѳѣ; когда я представлю себѣ, сколько дѣтей въ мірѣ будутъ учиться благородству по окровавленнымъ страницамъ ея исторіи — ея страшный жребій мнѣ кажется завиднымъ. Отверженный Богомъ, безумный, безумный германецъ, чье лицо тускло и мрачно, чья жестокость ужасна, чьи мысли безкрылы! Бѣшенствомъ войны напоила тебя судьба, какъ илота, ты внушаешь отвращеніе дѣтямъ спартанцевъ. Ты еще

могъ бы остаться солдатомъ, не коснись ты Бельгіи; въ честной борьбѣ съ равными ты могъ бы внушить гнѣвъ, но не презрѣніе. Но ты поднялъ руку на слабаго, огражденнаго твоимъ же словомъ, всю ярость и силу ты обратилъ на попраніе свободы—и кто же ты, германецъ?

Благословеніе всего міра надъ головой Бельгіи, увѣнчанной терновымъ вѣнцомъ.

Франція—прости!

Мнѣ хочется напомнить одно прекрасное стихотвореніе Беранже. Называется оно: „Прости!“ Умирающій поэтъ прощается съ Франціей: вотъ все его содержаніе.

Я не знаю точной даты, когда стихотвореніе написано; умеръ Беранже 16-го іюля 1857 года, и можно думать, что къ этому времени относятся и стихи. Все тѣ же роковыя для Франціи іюльскія иды: въ половинѣ іюля началась въ 1870 году война съ пруссаками, въ половинѣ іюля началась и теперешняя страшная война. Роковой мѣсяцъ, роковыя числа!

Конечно, никакого отношенія и ни къ какой войнѣ стихи не имѣютъ. Но смыслъ ихъ такъ глубокъ, чувство такъ широко, что и нынѣшній человѣкъ найдетъ въ нихъ отраженіе себя; и нынѣшній больше, чѣмъ вчерашній. Человѣкъ любитъ родину и человѣкъ умираетъ; и умирая—всѣ свои мысли отдаетъ родинѣ... не въ этомъ ли и весь нынѣшній день?

Стихотвореніе очень коротко, и просто трудно понять, какъ могло умѣститься въ короткихъ

строчкахъ такое богатство души, столько нѣжности и любви, такая сила и такая печаль, такая мужественная гордость и непоколебимая вѣра! Всѣми человѣческими голосами звучитъ душа поэта: здѣсь и лепетъ умирающаго ребенка, прильнувшаго къ груди матери—вѣдь передъ лицомъ родины каждый изъ насъ, до самыхъ до сѣдыхъ волосъ, остается ребенкомъ; здѣсь и слабый шепотъ истомленнаго жизнью человѣка; здѣсь и гремящій голосъ мужа, вставшаго на защиту оскорбленной родины. Строфой изъ Марсельезы кажутся эти слова, звенящія, какъ мѣдь:

— Когда стонала ты въ рукахъ иноплеменныхъ,
Подъ колесницами надменныхъ королей,
Я рвалъ знамена ихъ для ранъ твоихъ священныхъ,
Чтобъ боль твою унять, я расточалъ елей!..

И развѣ это не сегодняшній день, и развѣ не стонетъ Франція, какъ встарь, подъ колесницами „надменныхъ королей“? Но вотъ и завтрашній день, къ которому обращено все упованіе міра, залитаго кровью:

Въ твоемъ паденіи заря зажглась—и время
Благословенія племенъ должно придти,
Затѣмъ, что брошено твоею мыслью сѣмя
Для жатвы равенства грядущаго. Прости!

Но сильнѣе слезъ, сильнѣе печали и мужественной гордости звучитъ нѣкоторая особенная нота, какъ бы всепокрывающій голосъ вѣщаго

рога: чувство неоспоримаго безсмертія. Нѣтъ смерти для того, кто любитъ родину; есть прощеніе, есть прощальныя слезы и завѣты, есть погребальная пѣснь, но смерти нѣтъ! Ибо случалось ли смертному, кто бы онъ ни былъ, такъ властвовать надъ смертью:

Чтобы къ сынамъ твоимъ съ мольбой дошелъ мой пламень,
Удерживая смерть на пройденномъ пути,
Своей гробницы я приподымаю камень.
Рука изнемогла. Онъ падаетъ. Прости!

...Недавно произошелъ такой замѣчательный случай. При осадѣ Циндао первымъ былъ убитъ капитанъ Косума, и Микадо—уже послѣ смерти—произвелъ его въ слѣдующій чинъ маіора. Маіоръ Косума. Смерть, гдѣ твое жало? И не было бы для меня ничего удивительнаго и страннаго, если бы нѣкоторое время спустя маіоръ Косума былъ произведенъ въ полковники и генералы, и такъ до самаго высшаго чина—развѣ на самомъ дѣлѣ не все равно, что онъ умеръ?

Это сдѣлали японцы, очаровательные молодые люди культурнаго міра, какимъ-то чудомъ насилія надъ временемъ и исторіей принесшіе въ сохранности крѣпкій и ясный римскій духъ, его ясную, какъ солнце, любовь къ отечеству, его краткій и выразительный языкъ. Ни на одномъ языкѣ слово „отечество“ не звучитъ такъ поримски, какъ на японскомъ; и напрасно Виль-

гельмъ II начерталъ на своихъ крупповскихъ пушкахъ: pro patria et gloria: у него нѣтъ patria, и gloria не ему будетъ принадлежать!

И для тѣхъ изъ насъ, кого смущаетъ кровь и смерть, пусть послужитъ благороднымъ утѣшеніемъ вѣчно живое стихотвореніе давно умершаго Беранже. Вотъ оно полностью (въ переводѣ В. Курочкина).

Часъ близокъ. Франція, прости. Я умираю.
озлюбленная мать, прости. Какъ звукъ святой,
Сберегъ до гроба я привѣтъ родному краю.
О! Могъ ли такъ, какъ я, тебя любить другой?
Тебя въ младенчествѣ я пѣлъ, читать не зная,
И видя смерти серпъ надъ головой почти,
Я въ пѣснѣ о тебѣ, дыханье испуская,
Слезы, одной твоей слезы прошу. Прости!

Когда стонала ты въ рукахъ иноплеменныхъ,
Подъ колесницами надменныхъ королей,
Я рвалъ знамена ихъ для ранъ твоихъ священныхъ,
Чтобъ боль твою унять, я расточалъ елей.
Въ твоемъ паденіи заря зажглась—и время
Благословенія племенъ должно придти,
Затѣмъ, что брошено твоею мыслью сѣмя
Для жатвы равенства грядущаго. Прости!

Я вижу ужъ себя зарытаго, въ гробницѣ.
Кого любилъ я здѣсь, о! будь защитой ихъ,
Отчизна, вотъ твой долгъ предъ бѣдной голубицей,
Не тронувшей зерна на пажитяхъ твоихъ!
Чтобы къ сынамъ твоимъ съ мольбой дошелъ мой
пламень,—
Удерживая смерть на пройденномъ пути,

Своей гробницы я приподымаю камень.
Рука изнемогла. Онъ падаетъ. Прости!

...Если бы я былъ композиторомъ, я написалъ бы музыку къ этимъ святымъ словамъ; если бы я былъ пѣвцомъ—я пѣлъ бы ихъ. Теперь я могу ихъ только напомнить.

V.

Крестоносцы.

I.

Конецъ ноября. Выпалъ снѣгъ, остановились рѣки. Зима. Ненастье въ Пруссіи и Галиціи: то холодный дождь, сѣкущій лицо, какъ градъ, то снѣгъ и морозы. Холодъ на Кавказѣ. Глубокая осень, канунъ зимы, во Фландріи. Залиты водой окопы и по всему побережью свирѣпствуютъ тѣ страшныя морскія бури, когда вѣтеръ валитъ съ ногъ человѣка, и по цѣлымъ ночамъ реветъ, не смолкая, темное разъяренное море.

Конецъ ноября. Что бывало прежде въ эту пору? Жизнь на природѣ замирала; загнанная ненастьемъ, вся культурная городская Европа забиралась въ тепло и открывала свои сезоны. Какъ бывали шумны и веселы города, болѣе свѣтлые ночью отъ электрическихъ солнцъ, нежели въ тусклые короткіе дни,—Парижъ, Берлинъ, Лондонъ, Вѣна! Переполнены городскія подземныя и надземныя дороги, толпы въ театрахъ и концертахъ; пора законодательныхъ собраній, живого обмѣна мыслей, литературныхъ

и художественныхъ новостей, пора широкаго и энергичнаго общенія и творчества.

А что теперь съ Европой? Ее нельзя узнать, ее трудно вообразить. Насквозь пронизана она войной и вся, съ подошвы до вершины, содрогается непрерывной дрожью, какъ гора во время изверженія вулкана. Нѣтъ такого тихаго уголка, гдѣ не слышалась бы война, нѣтъ мѣста на всемъ протяженіи Европы, гдѣ не царили бы волненіе, страхъ, безпокойство, гдѣ не гадали бы о завтрашнемъ днѣ—одни въ тоскѣ и ужасѣ передъ возможною потерей, другіе съ упорною надеждой на какой-то свѣтъ, который долженъ возсіять. Никто не живетъ, всѣ ждутъ. Символическая завѣса будущаго, которой никто не видалъ, хотя говорятъ о ней всѣ, теперь придвинулась къ самымъ глазамъ; почти осязаема рукою ея мистическая ткань. И никто не хочетъ и не можетъ жить,—всѣ ждутъ.

II.

Свѣтъ, который долженъ возсіять. Онъ долженъ быть. Онъ близокъ, онъ гдѣ-то здѣсь, за черной линіей горизонта, его мерцаніемъ напоена вся ночь войны, онъ близокъ—свѣтъ, который долженъ возсіять. Его отраженіе на блѣдныхъ лицахъ, его блескъ въ глазахъ умирающихъ на полѣ битвъ; угасая, самый мракъ смерти наполняютъ они сіяніемъ вѣры.

Кто знаетъ? Быть можетъ, это только миражъ, фата-моргана, одинъ изъ тѣхъ красивыхъ обмановъ, которыми полно странствованіе человѣка по пустынѣ. Призрачное озеро, у котораго не напиться воды ни однимъ жаждущимъ устамъ. Заведетъ, обманетъ и погубитъ; и только трупы, распростертые на пескѣ, разскажутъ о томъ, какая трагедія долгихъ блужданій, горячей вѣры и мертваго обмана разыгралась на этомъ мѣстѣ. Кто знаетъ! Но это фактъ неоспоримый, что еще никогда обманъ—если это обманъ—не облекался въ такія правдивыя и убѣдительныя формы. Но это фактъ, что еще ни разу со времени, быть можетъ, крестовыхъ походовъ не вѣрило человѣчество такъ изступленно, такъ всеобще и сильно—въ свѣтъ, который долженъ возсіять. „Съ мечомъ въ рукѣ, съ крестомъ въ сердцѣ“... не лозунгъ ли это новыхъ крестоносцевъ, поднявшихся на освобожденіе гроба Господня?

И какъ странно, что послѣ многихъ сотенъ лѣтъ Іерусалимъ снова становится ареной кровавой борьбы, уже упоминается въ статьяхъ и корреспонденціяхъ; древній Іерусалимъ, уже давно стоящій внѣ исторіи, почти уже не городъ, а только знакъ, нѣчто музейное, неподвижно застывшее подъ мертвымъ колпакомъ почтенія. А пройдетъ еще нѣсколько этихъ необыкновенныхъ дней и смотришь: уже показались аэропланы надъ Іерусалимомъ, въ Геѳсиманскій

садъ брошена бомба, пулеметы „работаютъ“ на плоскихъ кровляхъ, гдѣ еще хранятся незримые слѣды божественныхъ ступней, у Кедронскаго потока кавалерія поитъ коней. Разсѣются ли чары воспоминаній? Кто окажется сильнѣе: жужжащая ли современность въ видѣ стремительнаго аэроплана—или великіе образы минувшаго, тысячи лѣтъ молчаливо царящіе надъ тихой колыбелью христіанства?

И снова появились „невѣрные“, гортаннымъ кличемъ зовутъ къ священной войнѣ, воскрешаютъ всѣ тѣ же прошедшія времена. Какъ будто не достаточно было однихъ германцевъ въ ихъ христіанскомъ домино, чтобы всему міру сдѣлать яснымъ смыслъ похода: красно-кровавою чертою подчеркнулъ ихъ Исламъ, красными фесками украсилъ головы „бѣлокурыхъ бестій“. И это настоящая правда, что нѣтъ у турокъ лучшаго друга, нежели Германія; и вовсе не такъ смѣшонъ и глупъ пронесшійся въ Турціи слухъ, что Вильгельмъ II, императоръ германскій, вознамѣрился принять Исламъ: въ этомъ нѣмецкомъ „вицѣ“, надъ которымъ не мало посмѣялись сочинившіе его Миллеръ и Штольцъ, нечаянно сказалась большая и страшная мысль.

III.

— На освобожденіе Гроба Господня!—кричали крестоносцы, садясь на корабли, чтобы

плыть въ невѣдомую лазурную даль. И то же кричали женщины и дѣти, безъ оружія, безъ плана, безъ малѣйшаго сознанія опасности и риска толпами шедшія на борьбу съ сарацинами. Вѣра была ихъ единственной силой, мечта—единственнымъ оружіемъ,—и сколько ихъ погибло, этихъ мечтателей, на долгомъ и страшномъ пути, и какъ мало было глазъ, узрѣвшихъ священный городъ всечеловѣческой мечты!

— На освобожденіе Европы отъ германскаго милитаризма!—кричатъ современные крестоносцы, охваченные той же изступленной вѣрой въ близкій свѣтъ, который долженъ возсіять.

Восемь столѣтій прошло отъ той наивной поры до настоящихъ дней; все страшно измѣнилось по виду; другіе люди, другое оружіе и одежда, иныя слова, иная углубленная мудрость, прошедшая сквозь сомнѣнія и вопросы. Искусилось въ знаніи человѣчество и, вооруженное круповскими орудіями и летательными машинами, уже не такъ легко вѣритъ въ сказки, научилось улыбаться скептически, жить и умирать безъ вѣры въ другое болѣе осмысленное бытіе. Но страдать оно не перестало, а страдая, не перестало оно и мечтать о лазурныхъ невѣдомыхъ даляхъ, гдѣ въ солнечныхъ лучахъ сіяетъ бѣлизною „праведный городъ“; и взрывами своей мечты время отъ времени колеблетъ оно землю.

Но мечта ирраціональна: у нея нѣтъ ни точ-

ныхъ границъ, ни твердыхъ контуровъ, какъ и у праведнаго города, сіяющаго на горѣ—кто видѣлъ планъ и названіе его улицъ? И мечта шире всякой программы, ея содержаніе не втиснешь ни въ какія формы, ея потаеннаго смысла не исчерпаешь цѣлымъ лѣсомъ параграфовъ; больше настроеніе, чѣмъ мысль, свои цѣли она ставитъ за всѣми видимыми горизонтами. Пусть крестоносцы нашихъ дней провозглашаютъ нѣчто, совсѣмъ какъ бы точное: „освобожденіе Европы отъ гнета германскаго милитаризма“,—по существу своихъ стремленій, въ ярости вѣры, въ восторгѣ добровольной жертвы, они ищутъ и ждутъ не меньшаго, чѣмъ тѣ, кто восемь вѣковъ назадъ шелъ безоружнымъ на „освобожденіе Гроба Господня“. Энтузіазмъ—вотъ то необыкновенное состояніе, которымъ охвачены сейчасъ и арміи и цѣлые народы.

Гдѣ пресловутая холодность уравновѣшенныхъ англичанъ? Гдѣ былая скаредная осторожность жизни французскаго мѣщанства? Гдѣ незыблемая, какъ бы на вѣки утвержденная, меркантильность анонимныхъ бельгійцевъ? Гдѣ наша роковая нерѣшительность, гдѣ мнительность наша, подрывающая силы, колеблющая волю? Какъ факелы среди ненастной ночи, буйнымъ огнемъ пылаютъ души.

Сегодня все утро подъ моимъ окномъ черными на снѣгу толпами проходили призванные

ополченцы—съ пѣніемъ, съ свистомъ, съ непрерывнымъ восторженнымъ и безпредметнымъ ура. Чему они такъ рады? Почему не голосятъ ихъ женщины, которыя быстро семенятъ рядомъ, еле успѣвая за ихъ размашистымъ шагомъ? Почему и вся улица радуется, встрѣчая ихъ, провожая, привѣтствуя и кланяясь? Но посмотрѣлъ я ближе на ихъ поблѣднѣвшія, измѣнившіяся лица и вижу:

лежитъ на нихъ отраженіе свѣта, который долженъ возсіять.

IV.

И сегодня же одинъ больной, контуженный, слабый, преждевременно посѣдѣвшій офицеръ говорилъ мнѣ съ глубокой вѣрой:

— Развѣ мы для корысти воюемъ? Намъ ничего не нужно. Это война освободительная.

И у него были голубые въ морщинкахъ глаза, глаза хорошаго и честнаго человѣка, и скромно бѣлѣла шея за широкимъ воротомъ халата, и легко можно было представить, какъ онъ дома, прежде, ласкалъ своихъ дѣтей. Про „освободительную“ войну онъ говорилъ спокойно, безъ волненія и готовности спорить, говорилъ, какъ про фактъ, который установленъ твердо и давно всѣмъ извѣстенъ. И я не сталъ его разспрашивать дальше, что разумѣетъ онъ подъ словомъ освободительная—я зналъ, что всѣ другія слова, которыя онъ можетъ сказать, только ослабятъ и

уменьшатъ силу этого слова—звука, переведутъ его на какую-то плоскость, гдѣ станетъ оно и скучнымъ и колючимъ, какъ фея, обратившаяся въ ежа.

И я знаю, что кого бы я ни сталъ разспрашивать изъ нынѣшнихъ крестоносцевъ, я ни отъ кого не получу ни вполнѣ яснаго, ни исчерпывающаго отвѣта о цѣляхъ настоящей войны, хотя отвѣтовъ будетъ и есть множество. Возрожденіе Польши, война противъ войны, борьба съ имперіализмомъ и милитаризмомъ, возсозданіе національныхъ единствъ, борьба христіанства съ язычествомъ, культуры матеріальной и механической съ культурой живой и духовной... да, все это входитъ въ мечту, но не исчерпываетъ ее. Она шире всѣхъ формулъ, какъ бы широки онѣ ни были, ея сіяющая цѣль впереди всѣхъ видимыхъ и близкихъ цѣлей, ея божественной пѣсни не передать плоскими земными словами. Кто знаетъ? Быть можетъ то, къ чему сейчасъ стремятся, наступитъ только черезъ тысячелѣтія, быть можетъ оно есть завершеніе всего пути—а уже тянутся къ нему миріады рукъ, тянутся, вотъ вотъ схватятъ... призракъ ускользающій!

Но изступленно вѣруя, взрывомъ мечты своей неслыханно потрясши землю, съ яростью отрекаясь отъ вчерашняго дня—всѣми народами поднялся міръ на новый крестовый походъ, идетъ въ святую землю, хочетъ хоть разъ единый

узрѣть усталыми глазами „праведный городъ“, свѣтло сіяющій на высокой горѣ, среди далей лазурныхъ. И либо нынче весь міръ безуменъ, либо близокъ свѣтъ, который долженъ возсіять!

И пусть темна, встревожена, полна смятенія и страховъ подъятая войной Европа, пусть никто не живетъ, а всѣ только ждутъ—мерцаніемъ близкаго свѣта напоена вся ночь войны.

Homo.

Недавно одинъ мой знакомый, захворавъ, строго наказывалъ родственникамъ:

— Если я умру, то велите газетчику, чтобы онъ носилъ газеты на кладбище. Пусть носитъ и вечернія, а то, хоть и вечеромъ, но едва ли меня пустятъ на Невскій. Время такое, что я не могу безъ извѣстій.

Да, время такое—удивительное время, когда сама смерть страшна лишь, какъ прекращеніе подписки на газету. Что дѣлается! Что дѣлается на свѣтѣ!

Давно ли былъ тотъ необыкновенный день, когда человѣкъ впервые полетѣлъ на крыльяхъ—и, затаивъ дыханіе, съ восторгомъ, со слезами, съ трепетомъ смотрѣли на него оставшіеся на землѣ. Летитъ человѣкъ! Летитъ! Вѣрить не хотѣли; и тѣ, кто самъ не видѣлъ, разспрашивали у видѣвшихъ, правда-ли, и какъ это происходитъ, и высоко ли поднимается, и похожъ ли на птицу... на орла, напримѣръ? Да, правда; да, высоко поднимается, едва глазомъ видно; да, похожъ на птицу и скоро будетъ занесенъ въ

орнитологію, какъ homo volans. Недавно только homo sapiens, теперь ужъ и volans, какъ поднимается въ цѣнѣ старый homo!

Тысячи тысячъ лѣтъ неистово завидовалъ человѣкъ птицамъ, тысячи лѣтъ, безкрылый, стоялъ на берегу голубой бездны, откуда свѣтитъ солнце, и безнадежно, какъ проклятый, мечталъ о неизвѣданныхъ просторахъ. Это не была мечта одного или двухъ, это не былъ романтическій порывъ нѣсколькихъ — это была мечта всего человѣчества, категорическое требованіе его вѣнценоснаго духа. Стоящій во главѣ всего звѣринаго рода, самый сильный, самый смѣлый, самый добрый и самый злой, самый великодушный и самый хищный, первый въ лѣсу и первый на морѣ — могъ ли человѣкъ успокоиться, пока не станетъ шефомъ и всѣхъ крылатыхъ армій, начиная съ орла и кончая мотылькомъ? Иначе его могъ оскорбить безнаказанно всякій воробей.

И вотъ онъ — полетѣлъ. Это было недавно, почти на дняхъ, и всѣ мы помнимъ и чувство гордости нашей и большого страха, огромнаго безпокойства и тревоги: вѣдь такой маленькій, такой хлибкій и почти что жалкій оказался homo volans среди воздушныхъ безднъ, видимой границей которыхъ являются свѣточи отдаленнѣйшихъ звѣздъ. Каждый летящій шелъ какъ бы на смерть; такъ всѣ это и знали, такъ и смо-

трѣли въ его зачарованное лицо, когда среди европейскихъ толпъ проходилъ онъ къ своему „аппарату“ и кланялся: ave, Caesar, moriturus te salutat! И ободранный уличный мальчишка, для котораго его цезарской ложей служила верхушка забора, т о ж е рукоплескалъ обреченному: частичка народа, онъ зналъ, ч ь я повелительная воля погнала человѣка на эту новую арену.

Откланявшись, homo леталъ и, полетавъ нѣсколько, падалъ. Такъ одинъ, такъ и другой, и сотый: леталъ—и падалъ, разбиваясь насмерть. Ломались крылышки, что-то случалось неладное съ хвостомъ, или вдругъ переставало биться бензиновое сердце машины—и homo падалъ. Сурово встрѣтилъ его воздушный океанъ и безъ милосердія единымъ дыханіемъ опрокидывалъ игрушку; и трепетно было смотрѣть на одинокаго „homo volans“, когда спокойный вѣтеръ жестоко и опасно кренилъ всю его непрочную икаровскую механику—невольно тянулись кверху руки, чтобы заклясть природу.

И если бы въ эту опасную минуту—вы представьте это! — кто-нибудь изъ земныхъ взялъ дальнобойное ружье и, внимательно прицѣливъ-шись—вы можете представить это?—выстрѣлилъ въ летящаго, когда онъ борется съ вѣтромъ; или привезли бы на поле огромную, стоймя стоящую пушку и дѣловито навели ее на одинокаго въ небѣ... то что бы это было? Словъ бы не

нашлось, чтобы заклеймить такой невѣроятный поступокъ, не выдержали бы такого зрѣлища ни сердце, ни сознаніе. Впервые поднялся ребенокъ на ножки и, пошатываясь, дѣлаетъ первые очаровательные шажки, и замираетъ сердце родителей — и вдругъ — что-то огромное и страшное, грузовой автомобиль, примѣрно — нарочно наѣзжаетъ на него, чтобы раздавить, смять, уничтожить... Ужасно!

Но вдругъ—вы представьте и это!—летящій съ легкостью голубя-турмана кувырнулся въ воздухѣ и расправился въ немъ еще шире и свободнѣе; и плавно закружилъ надъ головами; и что-то бросилъ... и дрогнуло все внизу отъ громоподобнаго взрыва, звенятъ какія-то стекла, чей-то стонъ и вопли, дымъ, огонь — убійство! И это сдѣлалъ онъ — невинный младенецъ на нетвердыхъ ножкахъ, юнѣйшій homo volans. Ужасно, непонятно и фантастично, какъ сонъ.

Да,—а именно это и дѣлается сейчасъ, и называется оно войной въ воздухѣ, воздушнымъ сраженіемъ, или еще проще: воздушной развѣдкой, обыденнымъ явленіемъ, малозначительной подробностью, для которой привычный человѣкъ не трудится и глазъ поднимать. Перепутались и передрались и homo sapiens и homo volans, стрѣляютъ, изобрѣтаютъ, убиваютъ, падаютъ.

И въ томъ, что такое явленіе можетъ казаться обыденнымъ и трактоваться заурядъ — и

заключается необыкновенность и огромность нашего времени, его текущихъ дней. Не успѣвъ взлетѣть, уже вступилъ въ воздушную войну человѣкъ; еще только вчера самъ себя едва державшій въ воздухѣ и покорно падавшій при первой случайности, сегодня онъ полнымъ хозяиномъ летаетъ подъ градомъ пуль и шрапнелей, дерется, разрушаетъ города, грозитъ Лондону и Парижу, бросаетъ внизъ насмѣшливо вызывающія записочки... способенъ заниматься даже пустяками. Удивительное время, когда вдругъ всѣми своими гранями засверкалъ старый homo, по всѣмъ предметамъ сразу держитъ міровой экзаменъ: и на злобу, и на великодушіе, и на смѣлость, и на умъ—homo sapiens, homo volans,—первый въ лѣсу, первый на морѣ... первый въ воздухѣ! Старый чудесный homo, самый загадочный и великолѣпный изъ всѣхъ звѣрей міра!

И сейчасъ на мгновеніе я перестану быть стороной воюющей: вѣдь дерутся только виды, а родъ нашъ одинъ, подъ одной фамиліей „человѣка“ извѣстны мы не только далекому Марсу, но и простой дворовой собакѣ. И, какъ членъ рода, я во всемъ и навсегда раздѣляю его судьбу, плачу его долги, получаю по его счетамъ, съ нимъ живу и съ нимъ погибну въ послѣдній день земли. Одна у насъ совѣсть, одна и честь—не по личности и не по виду, а по всему роду будутъ судить на Страшномъ

Судѣ. Когда нѣмцы совершаютъ гнустности, то это плохо не для однихъ нѣмцевъ: всю фамилію человѣка позорятъ ихъ дурные поступки; по Лувену все человѣчество должно надѣть трауръ и покаянную одежду, и никто не смѣетъ отговариваться, что онъ лично не участвовалъ въ разрушеніи и даже противился ему.

Но и доблестное, что совершается теперь, должно восприниматься всѣми нами, какъ наша общая гордость, кто бы его ни свершалъ,—турокъ, англичанинъ или нѣмецъ. Не умаляйте доблести врага и радуйтесь ей, держите высоко честь старой и знатной фамиліи homo.

И меня несказанно восхищаетъ великолѣпная смѣлость молодого homo volans, юнѣйшаго шефа всѣхъ крылатыхъ армій. Обычно невысокій по своему земному чину—поручикъ, лейтенантъ, просто механикъ и солдатъ, онъ летаетъ „съ порученіями“ такъ просто и спокойно, какъ если бы дѣйствительно онъ родился птицей. Вокругъ него — головокруженье пустоты, провалъ, бездонность, облака и птицы; подъ нимъ — вражеская земля, и каждый дымокъ на ней—это выстрѣлъ, направленный въ него: не ласкою и привѣтомъ, а огнемъ и пулями дышетъ на него земля. И онъ летитъ, какъ лѣсная птица подъ выстрѣлами тысячъ охотниковъ, уходитъ выше, ломаетъ линію пути, чтобъ обмануть — а самъ смотритъ своими глазами „homo sapiens“, фото-

графируетъ, рисуетъ, запоминаетъ, изучаетъ. Нѣтъ здѣсь ни соблазнительныхъ рекордовъ, ни призовъ, ни вѣющихъ флагами восторженныхъ трибунъ; ничей дружескій и любовный взглядъ не провожаетъ его и не умоляетъ небо быть милостивымъ къ дорогому homo volans—одинъ онъ совершенно. Вокругъ — головокруженье пустоты, весь видимый міръ, земля и небо, жаждутъ его смерти, все враждебно и напряжено... а вѣдь у этой птицы человѣческое сердце. Что же это за сила—старый h o m o? Гдѣ границы его смѣлости? Гдѣ конецъ его вызовамъ на бой — есть ли врагъ во вселенной, кому онъ не бросилъ бы перчатку?

Вонъ что-то показалось... летитъ навстрѣчу... А, это другой homo volans. Сейчасъ они подерутся въ воздухѣ, будутъ кружить, забираться выше, цѣлиться и стрѣлять, стрѣляющія птицы. А не то просто налетитъ одинъ на другого, какъ нашъ Нестеровъ, и оба грохнутся на земь, ибо эта стрѣляющая фантастическая птица презираетъ смерть, зная что-то высшее, чѣмъ она.

Большой пробѣлъ есть въ нашей космографіи: неизвѣстна дорога въ адъ и вообще точное его мѣстоположеніе. А будь оно извѣстно—homo также регулярно, съ сигарой въ зубахъ, путешествовалъ бы въ адъ и жарился на его адскихъ огняхъ, какъ теперь шатается онъ по Ривьерѣ—или мерзнетъ на полюсахъ—или „летаетъ“ подъ

выстрѣлами. То, что изъ а д а возврата нѣтъ, немногихъ бы смутило.

Вотъ онъ каковъ, старый великолѣпный h o m o—первый въ небѣ и первый въ аду!

VI.

Восхожденіе.

Есть два новыхъ факта въ русской жизни, такихъ радостныхъ и чудесныхъ, что на нихъ страшно даже останавливаться мыслью: такъ они похожи на призракъ, на сказку, на сонную прекрасную грезу, которая можетъ разлетѣться прахомъ при первыхъ лучахъ туманнаго разсвѣта. И первый фактъ-призракъ—это внезапное отрезвленіе Россіи, явленіе, вся грандіозность котораго ничьимъ, кажется, еще не охвачена взглядомъ. Да и какъ объять необъятное?!

Сталъ трезвымъ народъ, «веселіе котораго пити»—мрачное веселіе, полное крови, слезъ, бабьяго и дѣтскаго крика, грязи и невыносимаго стыда; народъ, который въ годъ пропивалъ милліардъ рублей и ровно на столько же пріобрѣталъ страданій; народъ, литература котораго на добрую треть посвящена водкѣ и пьянымъ; народъ, на Сѣнной площади потерявшій Помяловскаго. Одной этой страшной жертвы достаточно, чтобы проклясть сивуху, какъ проклиналъ ее въ жгучихъ страданіяхъ самъ Помяловскій — а

сколько еще, а сколько еще?! Трудно найти человѣка среди нашихъ полутораста милліоновъ, чья личная жизнь такъ или иначе не была бы отравлена сивухой: либо самъ пилъ, либо отецъ, либо дѣти, кто-нибудь изъ близкимъ, изъ друзей; проклятый кругъ, ужасающая безысходность!

Благословенно все то, что углубляетъ жизнь, просвѣтляетъ сознаніе, поднимаетъ умъ и чувство на новую высоту. Жизнь, какъ гора, гдѣ съ каждымъ новымъ шагомъ въ высоту открываются новыя дали, свѣтлѣйшіе горизонты, прозрачнѣйшее небо. И есть высокій поясъ, чудесный поясъ, высоко надъ низинами земли, гдѣ теряется разница между страданіемъ и радостью и оба они гармонически сливаются въ одно мощное чувство полета, окрыленной высоты. И если вино еще способно иногда родить вдохновеніе, если есть счастливыя души, которыя окрыляются имъ — то наша родная сивуха обезкрыливаетъ даже орловъ, дурманитъ самое ясное сознаніе, держитъ плѣнный духъ въ мрачныхъ пропастяхъ и провалахъ. Она возвращаетъ человѣка къ хаосу, она ввергаетъ его душу въ адъ; помутившійся разумъ безсильно трепещетъ и содрогается среди ужаснѣйшихъ кошмаровъ, чудовищныхъ грезъ, дикихъ и нелѣпыхъ призраковъ, томительныхъ, какъ безконечный бредъ сумасшедшаго. Нашъ пьяный всегда сумасшедшій,

смѣется ли онъ или плачетъ, цѣлуется или дерется; и оттого онъ одновременно всегда отвратителенъ и страшенъ. Если вино, понижая моральное чувство (а оно всегда дѣлаетъ это) еще способно повышать дѣятельность интеллекта, то сивуха убиваетъ и нравственность и умъ. Одинъ за другимъ рушатся моральные устои, воздвигнутые тысячелѣтними усиліями очеловѣчиться, по нисходящимъ ступенямъ человѣкъ быстро спускается въ потемки звѣрства, въ мутную темь скотства: надъ развалинами храма уродливыми и страшными образами выростаютъ инстинкты пола и разрушенія, гримасничаютъ чудовищныя хари, къ чьему-то горлу тянутся хищные пальцы. А умъ? Разорванный на клочки, какъ облака вѣтромъ, сгустками, туманомъ проносится въ высотѣ, обрывками мыслей даетъ хаосу видъ жизни, лжетъ, обманываетъ, теряется — иногда вопитъ въ ужасѣ мгновеннаго просвѣтленія.

Но вотъ приходитъ утро, наступаетъ отрезвленіе послѣ мучительнаго сна, и начинается страшная работа совѣсти, нашей русской совѣсти, самой жестокой и непримиримой среди ея европейскихъ подругъ. Наказаніе идетъ слѣдомъ за преступленіемъ, вмѣсто европейской Катценъяммеръ, боли физической, начинается боль души, мучительное раскаяніе, почти всегда близкое къ отчаянію. Отъ пароксизма безумія къ пароксизму

отчаянія—вотъ обычный путь русскаго пьяницы: сплошной надрывъ, сплошная безбожная чепуха, въ которой нѣтъ ни начала, ни конца, ибо отчаяніе снова заливается сивухой, а сивуха снова родитъ отчаяніе и сосущую тоску. И нѣтъ въ этихъ страданіяхъ ничего творческаго — такъ, одна жестокая безсмыслица: бѣгаетъ человѣкъ по огненному кругу, какъ на кордѣ, пока не смилостивится смерть и не ввалитъ съ размаху въ могильную яму. А не пить дальше, разъ началъ, удержаться, остановиться, дать зарокъ—гдѣ найдешь такую волю?

Характерная наша черта: въ противуположность самодовольному,—о, слишкомъ самодовольному—германцу русскій человѣкъ всегда чего-то стыдится. Въ этомъ хорошаго мало: стыдъ понижаетъ жизнеспособность, ослабляетъ силы, онъ противуположенъ не только глупому и мѣщанскому самодовольству, но и чувству самоуваженія, честной гордости, безъ которыхъ немыслимо никакое творчество. И мнѣ кажется, что одна изъ главнѣйшихъ причинъ нашего самоубійственнаго стыда—все эта же проклятая сивуха со всѣми ея исчадьями, вѣчный дурманъ и грязь, послѣ которыхъ воистину зазорно смотрѣть на свѣтъ Божій. Какое тутъ самоуваженіе, когда на улицу, бывало, выйти жутко... когда, случалось, и среди интеллигентнѣйшихъ россіянъ чувствуешь себя не то, какъ на скотномъ

дворѣ, не то въ буйномъ отдѣленіи желтаго дома.

Отрезвить пьяную Россію—это какъ бы сызнова сотворить ее, это вдохнуть въ ея огромное и безалаберное тѣло такую необъятную мощь, такую свѣтлую, животворную и необъятную силу, передъ которой ничтожными пустяками, накожной болѣзнью, чесоткой отъ грязи, кажутся всѣ другія ея бѣды. Отрезвить пьяную Россію—это всему цивилизованному міру принести драгоцѣннѣйшій даръ: могучаго союзника въ его высокихъ устремленіяхъ и цѣляхъ, свѣтлую богоносную душу, цѣны которой мы и сами еще не знаемъ. А какая это будетъ радость и намъ, и всѣмъ добрымъ людямъ, когда улыбнется печальный Геній Россіи!

И оттого такъ трудно вѣрить, что это случилось, что это началось... такъ страшно думать! У великаго Бога земли Русской великъ и его антиподъ—Дьяволъ земли Русской, страшно это!

II.

И хотя второе чудо наше и радость наша фактически не связаны ничѣмъ съ отрезвленіемъ Россіи, находится какъ бы въ другомъ планѣ, зачалось и родилось въ иной дѣйственной области—для меня мистически соединяются воедино: трезвая Россія и свободная Польша, для кото-

рой осуществилась „мечта ея дѣдовъ и прадѣдовъ“. Развѣ это не первая улыбка печальнаго генія Россіи—Польша, открывающая намъ свои объятія, довѣрчиво, какъ у груди матери, ищущая защиты у сѣраго солдата мужика, прижимающая свое прекрасное лицо къ его шершавому солдатскому сукну?

Вѣдь надо знать, какъ мы мучились неразрѣшимымъ „польскимъ вопросомъ“, чтобы понять нашу радость... скажу безъ преувеличенія, что сами поляки едва ли могутъ радоваться такъ, какъ мы. Не велико удовольствіе: ходить, потупивъ глаза, чтобы не встрѣтить укоризненаго взгляда, притворяться глухимъ, чтобы не услышать рокового вопроса, мычать, какъ нѣмому, чтобы уклониться отъ безсильнаго и кривого отвѣта—а сколько этого удовольствія испытывали мы по отношенію къ полякамъ! И снова тотъ же стыдъ, что и отъ совѣсти помрачающей сивухи, настойчивое, обезсиливающее, прискорбное неуваженіе къ себѣ.

Но здѣсь я невольно умолкаю и опускаю глаза. Если уже выходитъ изъ могилы Лазарь, трехдневный мертвецъ, обвитый пеленами, то тѣмъ печальнѣе кажутся другія, еще не раскрывшіяся могилы. И пока я ихъ вижу, я не могу смотрѣть прямо въ глаза; и пока я слышу стоны заживо погребенныхъ, я хочу быть глухъ—и я буду имъ. Ибо, что отвѣчу я вопрошающимъ?

Подъ широкимъ небомъ Россіи такъ много мѣста всѣмъ. Прекрасная страна добрыхъ, трезвыхъ и сильныхъ людей не должна бояться призраковъ, хотя бы и освященныхъ тысячелѣтней давностью. Освободительница угнетенныхъ народовъ, какою нынѣ признала и уважаетъ ее Европа, Россія должна признать своими родными дѣтьми всѣхъ тѣхъ, кто кровью своею щедро утучняетъ ея поля, кто жизнью своею служитъ ея могуществу и славѣ. Такъ много мѣста всѣмъ подъ широкимъ небомъ Россіи!

Освобожденіе.

I.

Въ московскихъ газетахъ опубликованъ протестъ „писателей, художниковъ и артистовъ“ противъ вандализма германцевъ [1]). Подписанный

---

[1]) ОТЪ ПИСАТЕЛЕЙ, ХУДОЖНИКОВЪ И АРТИСТОВЪ.

Къ родинѣ и ко всему цивилизованному міру обращаемъ мы нашъ голосъ.

То, чему долго отказывались вѣрить сердце и разумъ, стало, къ великому стыду за человѣка, непреложнымъ: каждый новый день приноситъ новыя страшныя доказательства жестокостей и вандализма, творимыхъ германцами, въ той кровавой брани народовъ, свидѣтелями которой суждено намъ быть, въ томъ братоубійствѣ, что безумно вызвано самими же германцами ради несбыточной надежды владычествовать въ мірѣ насиліемъ, возлагая на вѣсы мірового правосудія только мечъ. Мнится, что, забывъ свое славное прошлое, возвращается Германія къ алтарямъ тѣхъ жестокихъ національныхъ боговъ, для побѣды надъ которыми воплощался на землѣ Единый Милосердный Богъ. Войска же ея какъ бы взяли на себя низкую обязанность напомнить человѣчеству, что еще живъ и силенъ древній звѣрь въ человѣкѣ, что даже народы, идущіе во главѣ цивилизующихся народовъ, легко могутъ давъ свободу злой волѣ, уподобиться своимъ пращурамъ, тѣмъ полунагимъ полчищамъ, что пятнадцать вѣковъ тому назадъ раздавили своей тяжкой пятой античное наслѣдіе: какъ нѣкогда, снова гибнутъ въ пожарищахъ драгоцѣнныя созданія искусства, храмы и книгохранилища, сметаются съ лица земли цѣлые города и селенія, кровью текутъ рѣки, по грудамъ труповъ шагаютъ оди-

уважаемыми именами, этотъ документъ долженъ былъ бы имѣть большое, даже историческое значеніе, какъ голосъ избранныхъ людей, неподкупныхъ стражей совѣсти и достоинства народнаго. Если въ обычное мирное время такой коллективный голосъ рѣдко выходитъ за предѣлы родной страны и обладаетъ значительностью „событія внутренняго“, то теперь, когда каждое изъ борющихся государствъ представляетъ собою какъ бы единое лицо, онъ пріобрѣтаетъ характеръ и значеніе факта международнаго, далеко выходящаго за границы Россіи. Вѣдь не самихъ

чавшіе люди; и тѣ, изъ устъ которыхъ такъ тяжко вырывается кличъ въ честь своего преступнаго повелителя, чинятъ, одолѣвая, несказанныя мучительства и безчестіе надъ беззащитными, надъ стариками и женщинами, надъ плѣнными и ранеными. Пусть же впишутся въ Книгу Судебъ злодѣянія эти неизгладимыми письменами. И да внушатъ они намъ только одно страстное желаніе вырвать изъ варварскихъ рукъ оружіе, навсегда лишить Германію той грубой мощи, на достиженіе которой устремила она всѣ свои помыслы. Уже прорастаетъ широко брошенное ея рукой сѣмя національной гордыни и ненависти; пламенемъ можетъ перекинуться ожесточеніе къ другимъ народамъ. И громко раздадутся тогда голоса ослѣпленныхъ гнѣвомъ,—голоса требующихъ мести и отрекающихся даже отъ всего великаго и прекраснаго, что было создано геніемъ Германіи на радость и достояніе всего человѣчества. Но заставимъ себя помнить гибельность такихъ путей: ибо тотъ черный грѣхъ, которымъ покрыла себя Германія, обнажая мечъ, и то звѣрское, что дозволила она себѣ въ опьяненіи борьбы, есть неизбѣжное слѣдствіе мрака, въ который добровольно вступила она, нынѣ поощряемая даже своими поэтами, учеными, вождями общественными и политическими. Противники ея, несущіе народамъ миръ и освобожденіе, воистину должны быть руководимы лишь священными чувствами!

же себя, не русскихъ только, хотятъ убѣдить писатели въ вандализмѣ германцевъ, а желаютъ естественно въ протестѣ своемъ міру предоставить судъ надъ позорными дѣяніями, передъ міромъ выражаютъ чувство своего негодованія. Такъ же поступаютъ съ своей стороны и германцы: и ихъ извѣстное заявленіе-протестъ, подписанное также писателями и учеными, разсчитано на широкое международное распространеніе и такое же вліяніе.

Къ сожалѣнію, опубликованный протестъ едва-ли можетъ достигнуть столь важной цѣли и въ силѣ своей не соотвѣтствуетъ важности задачи. Причины этого кроются и въ содержаніи его и въ формѣ, рѣшительно неудачной. Написанный языкомъ вялымъ, мало похожимъ даже на обычный языкъ сильной русской литературы, составленный въ выраженіяхъ неопредѣленныхъ и даже темныхъ, не сразу и не совсѣмъ понятныхъ, полный какой-то внутренней нерѣшительности, онъ прискорбно напоминаетъ обычныя рѣшенія нашихъ интеллигентскихъ третейскихъ судовъ, гдѣ судьи, въ своемъ мягкосердечіи, больше всего стараются о томъ, какъ бы не обидѣть ни той, ни другой стороны. Очень возможно, что такая форма является отчасти вынужденной: естественное желаніе собрать больше подписей и притомъ людей, далеко не одинаково мыслящихъ, заставило составителей смягчить весь тонъ,

сгладить рѣзкіе углы и самый коренной смыслъ заявленія разбить на нѣсколько частныхъ и порой даже противорѣчивыхъ смысловъ. Однако, если это такъ, то приходится пожалѣть дважды: и о напрасномъ трудѣ составителей, и о томъ, что даже въ оцѣнкѣ настоящей войны, со всѣми сопутствующими ей явленіями, какъ вандализмъ нѣмцевъ, все же находится достаточное число разномыслящихъ въ самой средѣ руководителей общественной мыслью, въ средѣ наиболѣе правомочныхъ представителей народной совѣсти нашей. Кстати, я не замѣтилъ, чтобы петроградскія газеты перепечатали указанный протестъ; судя по этому печальному признаку, едва ли протестъ дойдетъ до заграницы—тѣмъ болѣе, что въ переводѣ можетъ окончательно затемниться и безъ того достаточно неясный смыслъ заявленія (протестомъ называю его я, а въ подлинномъ онъ вовсе не имѣетъ опредѣляющаго заглавія, именуясь просто „Отъ писателей, художниковъ и артистовъ“).

Я очень извиняюсь передъ уважаемыми товарищами-литераторами, подписавшими заявленіе, за эту мою невольную и запоздалую критику, безплодную и отчасти даже вредную по отношенію къ совершившемуся факту; и только важность переживаемыхъ событій и то чувство отвѣтственности, которое я испытываю наравнѣ съ остальными, позволяетъ мнѣ выступить съ отдѣльнымъ

мнѣніемъ, которое въ нѣкоторыхъ частяхъ даже совпадаетъ съ мыслями ихъ общаго заявленія.

Такъ, я всецѣло и безъ колебаній присоединяюсь къ первой части заявленія, гдѣ выражено возмущеніе „жестокостями и вандализмомъ“ германцевъ,—но уже въ этой, первой фразѣ я натыкаюсь на слово, которое, на мой взглядъ, совершенно не соотвѣтствуетъ правдѣ переживаемаго. Тамъ сказано: „...творимыхъ германцами въ той кровавой брани народовъ, свидѣтелями которой суждено намъ быть“. Когда весь нашъ народъ волею судебъ призванъ къ ужасному бранному дѣлу, когда десятки и сотни тысячъ нашихъ согражданъ гибнутъ въ невыносимыхъ страданіяхъ на поляхъ безконечно длительныхъ битвъ—мы, русскіе писатели, художники и артисты, не можемъ быть только свидѣтелями: мы всѣмъ сердемъ нашимъ, нашимъ страданіемъ и болью, всей нашей мыслью и душой являемся участниками происходящаго. И это отнюдь не придирка къ неудачному слову: къ сожалѣнію, тонъ именно свидѣтельства слишкомъ характерно выраженъ въ дальнѣйшемъ текстѣ заявленія.

Такъ, утрированнымъ безкорыстіемъ свидѣтеля звучатъ эти странныя слова: „Уже прорастаетъ широко брошенное ея (Германіи) рукой сѣмя національной гордыни и ненависти; пламенемъ можетъ перекинуться ожесточеніе къ другимъ народамъ. И громко раздадутся тогда го-

лоса ослѣпленныхъ гнѣвомъ—голоса требующихъ мести и отрекающихся даже отъ всего великаго и прекраснаго, что было создано геніемъ Германіи на радость и достояніе всего человѣчества".

На какіе народы, куда пламенемъ можетъ перекинуться «уже прорастающее сѣмя національной гордыни и ненависти", какъ намекаетъ заявленіе? Кто это уже загорается національной гордыней и ненавистью: французы, бельгійцы, поляки или мы, русскіе? И противъ кого, собственно, тогда этотъ протестъ: противъ германцевъ, которые разрушили Лувенъ, или противъ французовъ, бельгійцевъ, насъ самихъ, которые пока еще ничего не разрушили, да и не собираются разрушать? Дальнѣйшія слова заявленія гласятъ: „Но заставимъ себя помнить гибельность такихъ путей..."—очевидно, рѣчь въ значительной степени идетъ о насъ самихъ: направленный противъ германцевъ, протестъ непонятнымъ образомъ повернулся противъ самихъ протестующихъ, и голосъ возмущенія превратился въ шопотъ страха за самихъ себя, недовѣрія къ собственной культурности. Странное недовѣріе! Странная двойственность обоюдоостраго протеста, одной рукой поражающаго несомнѣнно виновныхъ германцевъ, а другую руку поднимающаго противъ ни въ чемъ неповинныхъ друзей и самихъ себя! А что это за робкія слова обо „всемъ великомъ и прекрасномъ, что было создано геніемъ

Германіи на радость и достояніе всего человѣчества“?

Въ то время, когда вся радикальная часть дѣйствующей и мыслящей Европы идетъ на ратное поле, какъ на священный подвигъ за миръ и свободу народовъ; когда непримиримый антимилитаристъ Эрве съ улыбкой готовъ послушать „тщеславную пѣсню стараго галльскаго пѣтуха“; когда соціалистъ-министръ Вандервельде со слезами собираетъ документальный матеріалъ, свидѣтельствующій о безчестіи германскихъ войскъ; когда маститый и глубокочтимый П. Кропоткинъ называетъ войну „освободительной“, и считаетъ несомнѣннымъ, что торжество Германіи „принесетъ Европѣ новое и еще болѣе суровое порабощеніе“; когда французскіе синдикалисты уже разоблачили всю двойственность, моральное и идейное безсиліе и прусскую сущность германскаго соціализма, — въ это самое время русскіе писатели, художники и артисты съ безконечными колебаніями и грустной нерѣшительностью что-то говорятъ о „широко прорастающемъ сѣмени національной вражды и ненависти“, пламя которыхъ „можетъ перекинуться и на другіе народы“, трогательно заботятся о „геніи Германіи“, совершенно умалчивая о томъ, что и у французскаго народа, и у нашего, и у бельгійскаго и т. д. также есть свой геній, создавшій не мало прекраснаго и великаго. Вмѣсто яснаго, твердаго и смѣлаго

утвержденія нашей воли къ войнѣ и побѣдѣ надъ реакціонной Германіей, свинцовымъ грузомъ вотъ уже десятки лѣтъ лежавшей и на нашей свободѣ, писатели, художники и артисты въ своемъ воззваніи къ „родинѣ и всему цивилизованному міру“ даютъ что-то половинчатое и безсильно интеллигентское, сложившееся подъ множествомъ противорѣчивыхъ вліяній. Еще разъ: я глубоко убѣжденъ, что многіе изъ подписавшихся думали и чувствовали гораздо больше, сильнѣе и ярче, чѣмъ это дано въ заявленіи, имѣющемъ, помимо прочаго характеръ нѣкоторой случайности,—но оно является фактомъ, съ которымъ всѣ мы вынуждены считаться. И поскольку и мой голосъ, какъ немолодого уже писателя, является важнымъ на ряду съ другими голосами, я зову отнюдь не къ раздору, не къ разъединенію силъ, а, наоборотъ, къ вящему ихъ и крѣпчайшему соединенію въ борьбѣ за наше общее благо и священную цѣль: человѣчность.

II.

И прежде всего, къ гордости нашей, я не вижу рѣшительно никакихъ основаній опасаться, чтобы мы, въ Россіи, ослѣпленные гнѣвомъ или ненавистью, когда-либо „отреклись отъ всего великаго и прекраснаго, что было создано геніемъ Германіи“. Тѣ обычныя при всякой войнѣ отрицательныя явленія, какъ крикливый патріотиче-

скій лубокъ, травля отдѣльныхъ нѣмецкихъ подданныхъ [1]), отказъ (да и то временный) ставить пьесы нѣмецкихъ авторовъ — имѣютъ значеніе поистинѣ ничтожное и остаются на низинахъ нашей жизни; да и тутъ надо быть справедливымъ къ себѣ и сказать по чистой совѣсти, что даже такія проявленія духа слѣпого и темнаго въ этотъ разъ чрезвычайно рѣдки и малозначительны. Важно отмѣтить, что наша архаически-реакціонная печать, которая обычно и бывала создательницей патріотическаго неприличія и дико-воинственнаго шума, въ этотъ разъ не безъ основанія настроена противъ войны и гораздо даже болѣе, чѣмъ мы, заботится о германскомъ геніи, горькими слезами оплакиваетъ Вильгельма, которому хоть и удалось разрушить „жидовскій Лувенъ“, но дальше итти не дастъ все тотъ же „жидовскій кагалъ“. Сейчасъ не настолько хороша погода, чтобы подробнѣе выяснить всю важность и значительность этого факта; важно лишь то, что съ низовъ намъ не приходится ожидать отреченія отъ даровъ германскаго генія, а скорѣе наоборотъ: излишняго ихъ утвержденія.

Что же касается интеллигенціи нашей, то мнѣ

---

[1]) Къ числу наиболѣе отвратительныхъ явленій такого порядка относятся погромы германскихъ магазиновъ, имѣвшіе мѣсто въ Англіи и, на-дняхъ, у насъ въ Москвѣ; но и здѣсь дѣло не въ „германскомъ геніи“, а въ томъ, что доселѣ ни одинъ еще народъ не избавленъ отъ позора—имѣть свою умственную и моральную чернь. *Л. А.*

кажется смѣшною сама мысль о томъ, чтобы когда-нибудь мы отреклись отъ даровъ нѣмецкаго генія, разлюбили Шиллера, перестали читать Канта и Шопенгауэра, забыли Лассаля и Маркса и въ печку выбросили Гете. При самомъ сильномъ напряженіи фантазіи невозможно вообразить русскаго музыканта, который отказался бы отъ Вагнера, русскаго соціолога, мыслителя, философа или практическаго общественнаго дѣятеля, который пренебрегъ бы колоссальнымъ идейнымъ опытомъ, накопленнымъ Германіей. Это просто невозможно. Но даже и найдись такой, въ видѣ разительнаго исключенія, онъ не могъ бы осуществить своего отказа, не разрушивъ тѣмъ самымъ всей своей личности: дары германскаго генія уже давно поглощены нами, вошли въ нашу кровь и плоть, организовались, стали нашей наслѣдственностью.

Ибо наша настоящая русская гордость заключается въ томъ, что мы, по счастью, умѣемъ цѣнить, любить и почитать все великое и прекрасное, подъ какими бы широтами и въ какомъ бы народѣ оно ни родилось. Начиная съ призыва варяговъ и Владиміра, искавшаго за моремъ лучшую вѣру для своего народа, продолжая Великимъ Петромъ и поднесь—Россія съ ненасытимой жадностью зоветъ къ себѣ учителей изо всѣхъ странъ, съ радостью привѣтствуетъ всякій талантъ, который можетъ ей хоть что-ни-

будь дать, широко раскрывается для идеи. И естественно, что старый и богатый Западъ, самъ вскормленный молокомъ Рима и Греціи, корни своей мощной культуры скрывающій въ неизслѣдимой глубинѣ прошлаго, сталъ для насъ неизсякаемой сокровищницей идейнаго, тысячелѣтіями накопленнаго опыта.

Но если Европа, по слову Достоевскаго, является для насъ второй и даже первой родиной, то для идеи Европы Россія давно уже стала вторымъ отечествомъ, порою лучшимъ, чѣмъ первое,—подобно Америкѣ для эмигрантовъ. Нигдѣ такъ хорошо не живется идеѣ, нигдѣ она не имѣетъ столь страстныхъ прозелитовъ, какъ у насъ; и на какомъ бы языкѣ ни началъ говорить писатель и философъ, онъ очень быстро становится русскимъ, переживается нами съ болью и трепетомъ, занимаетъ почетное мѣсто въ божницѣ.

Нынѣшней весной мнѣ пришлось слышать жалобы въ Римѣ, что при наличности своей довольно бѣдной текущей литературы, итальянцы совсѣмъ не переводятъ и не знаютъ не только насъ, русскихъ, но и англичанъ, и французовъ, и нѣмцевъ. Тѣ же жалобы слышалъ я много лѣтъ назадъ и въ Берлинѣ, хотя и не въ столь рѣзкой формѣ; послѣднее же время, какъ извѣстно, сами нѣмцы жалуются на другое: на засилье въ Германіи русской литературы, что воистину

смѣшно и можетъ свидѣтельствовать только объ ихней нетерпимости: переведено въ Германіи ничтожное количество русскихъ произведеній. Но и Франція, и Англія, и Америка также мало переводятъ у себя иностранцевъ, довольствуясь собственной литературой, что далеко не всегда оправдывается ея настоящимъ состояніемъ.

И конечно, они отъ этого теряютъ, ибо теряетъ всякій, кто не знаетъ. Варясь въ собственномъ соку, не расширяя сферы чувственнаго и идейнаго опыта введеніемъ новыхъ и расово чуждыхъ элементовъ, женясь, такъ сказать, на кровныхъ,—они суживаютъ свое міросозерцаніе и міроощущеніе, а національное свое сгущаютъ порой до степени уродства, чему примѣръ та же самодовлѣющая и ограниченная Германія.

Какъ извѣстно, германцы мечтаютъ въ лицѣ своемъ возродить могучую Римскую имперію, и въ этой романтической мечтѣ своей черпаютъ даже особыя силы. Но они забыли, что однимъ изъ древнѣйшихъ зданій Рима является Пантеонъ, что у широко смотрѣвшихъ римлянъ, на ряду съ ихъ римской идеей, существовалъ и алтарь „невѣдомому богу“. И имъ не удастся стать новымъ Римомъ, пока мѣсто Пантеона у нихъ занимаетъ Аллея Побѣдъ и алтари ставятся только Бранденбургскимъ Курфюрстамъ. Излишекъ національно-сгущеннаго самочувствія

хорошъ только при защитѣ, когда слабому приходится отстаивать свою самобытность передъ лицомъ сильнѣйшаго, но при нападеніи съ широкими цѣлями онъ вреденъ.

При этихъ условіяхъ, опасаться, что мы когда-нибудь можемъ отречься отъ даровъ нѣмецкаго генія, повторяю, нѣтъ никакихъ основаній. Можно почти съ увѣренностью сказать, что ни одинъ народъ не обладаетъ даромъ такого совершеннаго пониманія красоты и величія, какъ русскій, такой широтой и свободой воспріятія, не связаннаго мелкими національными или иными чувствами. Въ этомъ наше богатство; этимъ свойствомъ нашимъ объясняется и тотъ необыкновенно быстрый ростъ Россіи за послѣднее столѣтіе, котораго мы сами какъ будто не замѣчаемъ и не цѣнимъ единственно по скромности. Отсталые во многихъ другихъ отношеніяхъ (что мы и сами хорошо знаемъ),—въ области духовной культуры мы достойны идти рука-объ-руку съ наиболѣе передовыми народами свѣта; и никакимъ силамъ реакціи никогда не удастся втиснуть нашъ свободный и широкій духъ въ узкое русло націонализма съ его ужасной нетерпимостью и подмѣной высокаго солнца, для всѣхъ равно сіяющаго, мѣстными фонариками.

И совершенно излишне, какъ то сдѣлано въ воззваніи писателей, художниковъ и артистовъ,— „напоминать гибельность такихъ путей“; нашъ

путь намѣченъ давно, и колеи его такъ глубоки, что не случайностямъ даже міровой войны стереть и загладить ихъ.

III.

И какъ мы не откажемся отъ Шиллера, — раньше германцы сдѣлаютъ это,—такъ не сдѣлаемся мы шовинистами и милитаристами, каковъ бы ни былъ исходъ войны. И въ этомъ отношеніи нѣкоторый страхъ воззванія, что „пламенемъ можетъ перекинуться ожесточеніе къ другимъ народамъ“, и напоминаніе „гибельности такого пути“ мнѣ представляются не обоснованными, вызванными не столько реальными объективными причинами, сколько субъективнымъ настроеніемъ людей, несвоевременно занявшихъ свидѣтельскую скамью.

Стоитъ даже только поверхностно оглянуться на пройденный нами историческій путь, чтобы убѣдиться
русскаго народа для культа милитаризма,
Наше воинство всегда имѣло ограниченно дѣловой и рабочій характеръ, были ли это стрѣльцы Грознаго или даже по русскому образцу („геній Германіи“) обученные и съорганизованные солдаты Павла Перваго; съ развитіемъ же въ Россіи гражданственности и съ осуществленіемъ всеобщей воинской повинности,
славная армія наша стала

лишь частью по необходимости вооруженнаго народа.

Нельзя объяснить, не нарисовавъ, въ чемъ тутъ особенность: она во всемъ жрическомъ обликѣ прусскихъ героевъ, точно въ каждую минуту предстоящихъ богу войны и крови, она въ самомъ воздухѣ Берлина, въ мрачномъ видѣ его маршрующихъ домовъ и стратегически распланированныхъ улицъ. Тамъ — это каста, тамъ это избранные, красота для красоты, искусство для искусства. Они не часть народа, какъ въ Россіи, а весь народъ только матеріалъ для нихъ, стремя для ихъ ноги. Тамъ частное поглощаетъ цѣлое, армія покрываетъ народъ.

И этой связью нашей арміи съ народомъ, какъ съ цѣлымъ, многое объясняется въ исторіи нашихъ неудачныхъ и удачныхъ, какъ настоящая, войнъ.

Войска какъ будто тѣ же и все то же, съ той лишь невыгодной разницей, что противникъ гораздо сильнѣе и страшнѣй, а эффектъ совсѣмъ другой, весьма неожиданный. Но неожиданный для нихъ, которые такъ мало насъ знаютъ, онъ не долженъ удивлять насъ: мало пригодныя для авантюръ

наши войска обладаютъ всею силою и доблестью народа.

И ожидать, что ожесточеніе и ненависть перекинутся къ намъ, что волна безудержнаго прусскаго милитаризма можетъ подхватить и насъ—нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ излишняго недовѣрія къ себѣ и своимъ далеко еще неиспробованнымъ силамъ. Тѣ же всѣмъ извѣстныя отклоненія отъ начертанной мною схемы, которыми достаточно обильно наше далекое и недавнее прошлое, въ значительной степени навязаны и намъ извнѣ и родиной своей—какъ это ни странно—имѣютъ все ту же Германію, съ которой нынѣ такъ мужественно и самоотверженно борется Россія. И вовсе не надо намъ, писателямъ,

брать подъ свою высокую руку и охрану „геній Германіи“, съ его великимъ и прекраснымъ. Поскольку онъ дѣйствительно геній, онъ не нуждается ни въ чьей защитѣ и предстательствѣ, а наоборотъ, самъ защищаетъ насъ, устами Гейне, Шиллера поддерживая насъ въ борьбѣ съ теперешней Германіей; а поскольку его истинная сущность искажена иными многообразными проявленіями германскаго ума, силы и таланта—намъ надлежитъ подвергнуть его серьезной, основательной, вдумчивой и честной провѣркѣ и безъ дальнѣйшихъ колебаній отдѣлить пшеницу отъ плевелъ.

Это слѣдовало сдѣлать уже давно, а теперь, когда Россія вступаетъ въ новую историческую фазу существованія, это сдѣлать необходимо... Да, я понимаю тотъ честный страхъ, который могутъ вызвать мои слова, и самъ отчасти раздѣляю его. Дѣйствительно, до самаго послѣдняго времени борьба въ Россіи за нашу самобытность носила чрезвычайно непривлекательный характеръ и даже въ самыхъ честныхъ рукахъ вскорѣ превращалась въ орудіе реакціи и порабощенія слабѣйшихъ; и очень страшно при такихъ условіяхъ вступать въ борьбу съ германизмомъ, предчувствуя, что нежелательные союзники очень быстро исказятъ и загадятъ смыслъ нашихъ поступковъ и на мѣсто необходимой переоцѣнки цѣнностей подставятъ глупѣйшую „германофо-

бію". Но—условія мѣняются съ каждымъ днемъ, мы это видимъ. А затѣмъ—въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло не съ слабѣйшимъ, не съ тѣмъ, зависимое и безправное положеніе котораго должно удерживать на нашихъ устахъ даже самые справедливые упреки: нѣтъ, мы имѣемъ и будемъ имѣть дѣло съ

равносильнымъ.

И какъ въ войнѣ съ Германіей мы являемся стороной обороняющейся, а не нападающей, такъ и здѣсь, въ борьбѣ съ германизмомъ, задача наша ограничивается самообороной, возвращеніемъ духа нашего въ его естественныя границы, возстановленіемъ тѣхъ особенностей нашей души, мышленія и жизни, морали и эстетики, политики и общественности, на которыхъ съ давнихъ поръ лежитъ тяжелое ярмо пруссачества. Вѣдь, если про Германію говорятъ нѣмецкіе мыслители, что въ послѣдніе годы она подверглась „опруссѣнію", то съ неменьшимъ правомъ это можетъ быть сказано и про Россію, ея ближайшую сосѣдку, ея матеріальный, идейный и политическій рынокъ.

Работа предстоитъ огромная, и только при высочайшемъ напряженіи всѣхъ духовныхъ силъ страны она можетъ быть приведена къ надлежащему концу. Дѣло не въ крикахъ, какъ бы громки они ни были, не въ язвительныхъ насмѣшкахъ, не въ бойкотѣ всѣхъ нѣмецкихъ фа-

милій и нѣмецкихъ мыслей —

Необходимъ вдумчивый, спокойный и честный анализъ всѣхъ отправленій нашей жизни, начиная со школы, построенной вовсе не по классическому, а чисто-прусскому образцу, и кончая самой манерой нашей мыслить и чувствовать; начиная съ бюрократіи нашей и кончая нашими способами веденія общественной борьбы. Ибо, поистинѣ, мы сами не знаемъ той границы, гдѣ кончается давнишнее, вѣковое опруссѣніе русской жизни и русскаго духа.

Какъ наши аракчеевскія военныя поселенія вовсе не были изобрѣтеніемъ русскаго ума, а пришли къ намъ изъ Германіи и явились какъ бы прообразомъ и предчувствіемъ того, во что должна будетъ превратиться сама Германія—такъ и многія другія отвратительныя стороны нашей жизни представляются мнѣ заимствованными изъ того же мутнаго источника. Всякія наши „анти“ и „фобіи“, отъ котораго порою не могутъ уйти даже свободнѣйшіе, постоянныя попытки начала живой жизни подмѣнить началами механическими, разрушеніе сложной личности и сведеніе ея къ узкой абстракціи, все это въ значительной степени данайскіе дары „германскаго генія“, принятаго во внутрь цѣликомъ. Превосходные мыслители, но очень плохіе

психологи, единственные въ мірѣ логики, но не провидцы, не художники, не пророки,—они самый міръ живыхъ идей подчинили желѣзной армейской дисциплинѣ и табель о рангахъ ввели въ философію. Не это ли имѣлъ въ виду Роланъ, когда бросилъ крылатое слово о „милитаризаціи интеллектуальной сферы“?

Когда началась война и печать всего міра заговорила о Вильгельмѣ, я невольно вспомнилъ щедринскаго Утрюмъ-Бурчеева и съ тѣхъ поръ не могу отдѣлаться отъ этого образа. Это онъ, съ его стекляннымъ невидящимъ взоромъ и непреклоннымъ идеализмомъ, дико отрицающій реальный міръ съ его живыми силами; это онъ, рѣшившій остановить теченіе рѣки, разъяренный, обиженный, не понимающій, почему не останавливается рѣка; это онъ, Аракчеевъ, съ его неописуемо тупой мечтой о военныхъ поселеніяхъ, о человѣкѣ, превращенномъ въ заводную куклу, о времени, претворенномъ въ механическіе часы. Теперь этотъ же самый модернизованный Аракчеевъ-Вильгельмъ пытается съ такой же яростью остановить теченіе всей жизни — и мы видимъ, сколько ужасовъ, сколько крови, страданія и слезъ принесло это человѣчеству.

И, протестуя въ своемъ заявленіи противъ вандализма и звѣрства германцевъ, писатели, художники и артисты остановились, къ сожалѣнію, на полдорогѣ, а потомъ чуть ли не повер-

нули назадъ: къ охранѣ того самаго „генія Германіи“, который на ряду съ прекраснымъ создалъ и нынѣшній кровавый день. Вѣдь, нѣтъ же на свѣтѣ ничего случайнаго, и не можетъ быть случайнымъ вандализмъ, и звѣрство, и самый милитаризмъ, и думать иначе, значило бы въ самомъ корнѣ подрывать наше право и способность судить о вещахъ. Пусть даже капитализмъ—но если при одинаковыхъ условіяхъ развитія капитализма во Франціи и Германіи нѣмцы звѣрствуютъ, а французы нѣтъ; если они звѣрствовали и вандальничали еще въ 71-мъ году, то надо же поискать другую, не столь механически-нѣмецкую, причину. Вотъ въ собраніи религіозно-философскаго общества г. Эрнъ провелъ прямую линію отъ Канта къ Круппу; я не знаю, насколько доказательна была его рѣчь, чувствуется излишняя поспѣшность и рѣзкость въ его выводахъ, но, во всякомъ случаѣ, она ставитъ вопросъ глубже и правильнѣе, чѣмъ то сдѣлали писатели въ своемъ неудачномъ заявленіи. Да и сами они, упоминая о германскихъ „поэтахъ, ученыхъ, вождяхъ общественныхъ и политическихъ, которые добровольно“ вступили въ союзъ съ милитаризмомъ, невольно выводятъ вопросъ за узкіе рамки безотвѣтственной случайности.

И главной причиной неудачности заявленія „отъ писателей, художниковъ и артистовъ“

является, какъ можно думать, то обстоятельство, что время еще не наступило для такого протеста. война
и связанные съ нею и ею возбуждаемые вопросы еще только смутно намѣчаются въ туманѣ кроваводымныхъ далей. Каждый день мы мѣняемся. сами того не замѣчая, и не далеко то время, когда наши же портреты, написанные съ насъ передъ самой войной, потеряютъ всякое сходство и будутъ казаться почти карикатурой. Половинчатость и нерѣшительность заявленія есть, несомнѣнно, половинчатость настроеній и чувствъ начала войны, когда ушедшій миръ такъ еще близокъ и самыя новыя чувства продолжаютъ вливаться въ старые мѣхи. Надо ждать и думать. Вопросъ же объ освобожденіи Россіи отъ злыхъ чаръ германизма настолько важенъ и серьезенъ, что надо много времени и спокойнаго труда для правильнаго разрѣшенія его.

Но есть непосредственное чувство гнѣва, жалости и возмущенія, которое не можетъ мириться съ ужасными фактами сегодняшняго дня, не хочетъ ждать и не нуждается въ спокойствіи, чтобы выразить себя. Сожженіе Реймскаго собора, разрушеніе Лувена и кровавое истребленіе мирныхъ жителей, женщинъ, стариковъ и дѣтей волнуютъ всѣхъ насъ до глубины души, исторгаютъ невольный крикъ протеста. Но такой протестъ,

мнѣ кажется, можетъ быть достаточно выраженъ такими немногими словами:

„Мы протестуемъ и выражаемъ наше презрѣніе Германскому народу, который совершаетъ безчеловѣчные поступки, и совершая, оправдываетъ ихъ; и будемъ презирать его до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ другимъ, и самъ, своей державной рукой, не покараетъ истинныхъ виновниковъ, залившихъ землю кровью, растерзавшихъ Бельгію, отнявшихъ у матерей дѣтей и явившихъ міру неслыханные примѣры гнусной жестокости".

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, С.П.Б., ПОВАРСКОЙ, 10.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

МЫСЛЬ. Современная трагедія. Ц. 75 к.

ОКЕАНЪ. Трагедія. Рисунки художника Б. Анисфельда. Ц. 1 р. 25 к.

БАРЯТИНСКІЙ, кн. В. В. Комедія смерти. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 1 р. 25 к.

ЕВРЕИНОВЪ, Н. Н. Pro scena sua. Режиссура. Лицедѣи. Послѣднія проблемы театра. Ц. 1 р. 50 к.

МАРИНЕТТИ. Футуризмъ. Съ приложеніемъ всѣхъ футуристическихъ манифестовъ. Ц. 1 р. 25 к.

МОРОЗОВЪ, ИВ. Разрывъ-трава. Стихотворенія съ предисловіемъ Максима Горькаго. Ц. 40 к.

БАРЯТИНСКІЙ, кн. В. В. Царственный мистикъ. (Императоръ Александръ I. — Ѳедоръ Кузьмичъ). Изданіе 2. Съ многочисл. иллюстраціями. Ц. 1 р. 25 к.

МИХАЙЛОВЪ, К. Н. Императоръ Александръ I—старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ. Съ многочисленными иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 к.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ», ПЕТРОГРАДЪ,
Поварской, 10.

ЧЕГО ЖДЕТЪ РОССІЯ ОТЪ ВОЙНЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Туганъ-Барановскаго, М. И. Фридмана, М. И.—Вернадскаго, В. И. Гиппіусъ, З. Н.—Славинскаго, М. А. Шингарева, А. И.—Курбатова, В. Я. Милюкова, П. Н.—Карѣева, Н. И. Бехтерева, В. М.—Знаменскаго, С. Ф. Стрѣльцова, Р. Е. Шишкиной-Явейнъ, П. Н.

Ц. 1 р. 25 к.

РОССІЯ, ЦАРЬ-ГРАДЪ И ПРОЛИВЫ.

Матеріалы и извлеченія.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. Стрѣльцова.

Въ книгѣ собрано все важнѣйшее, что было высказано по вопросу о Царь-градѣ и проливахъ выдающимися писателями различныхъ направленій (Данилевскій, Достоевскій, Жуковскій, Куропаткинъ, Леонтьевъ и др.). Книга можетъ служить исчерпывающимъ источникомъ для всестороняго—историческаго, культурнаго и политическаго—изученія вопроса. Примѣчанія и предисловіе редактора характеризируютъ современную постановку проблемы. Ц. 1 р. 50 к.

МЫ ПОМНИМЪ ПОЛЬШУ.

Литературно-художественный сборникъ

подъ редакціей М. Моравской. Ц. 1 р.

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ . . . . . 2 р. —
ЗАПИСКИ П. Е. АННЕНКОВОЙ. . . . . 1 р. 50 к.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“ Н. Н. МИХАЙЛОВА.
Петроградъ, Поварской, 10.
Ц. 50 К.

ТИП. „ЯКОРЬ“.